

18+

ВІКТОР НЕКРАС

ВСЕСЛАВ ЧАРОДЕЙ - I

Виктор Некрас
Жребий изгоев.
Всеслав Чародей – 1

«Издательские решения»

Некрас В.

Жребий изгоев. Всеслав Чародей – 1 / В. Некрас —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983772-1

XI век. Христианство на Руси победило, но даже знатные люди, воротясь из церкви, ставят блюдо с молоком домовому, о простолюдинах же и говорить нечего... В этих условия полоцкий князь Всеслав Чародей начинает борьбу за восстановление веры предков...

ISBN 978-5-44-983772-1

© Некрас В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. ТЛЕЮЩИЕ УГЛИ	6
1. Русская земля1. Родня.	6
2. Червонная Русь. Волынь. Владимир.	10
3. Русская земля. Георгиевский монастырь.	16
4. Червонная Русь. Волынь. Река Стырь.	23
ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ.	30
ГЛАВА ПЕРВАЯ. БЕСПОКОЙСТВО	30
1. Словенская земля. Новгород.	30
2. Дреговская земля. Окрестности Менска.	34
3. Кривская земля. Полоцк.	41
4. Червонная Русь. Волынь. Гора Богит.	46
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАПАХ ВОЙНЫ	50
1. Русская земля. Река Рось.	50
2. Дикое Поле. Устье Северского Донца.	53
3. Червонная Русь. Волынь. Владимир.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Жребий изгоев Всеслав Чародей – 1

Виктор Некрас

*Ныне, присно, во веки веков, старина, – и цена есть цена, и вина
есть вина,*

*И всегда хорошо, если честь спасена,
Если другом надёжно прикрыта спина.*

Владимир ВЫСОЦКИЙ

*Изгойство пристало к князьям по мере естественного
увеличенья их рода. Князьям-изгоям приходилось довольствоваться
милостью старших, равноправие сменялось подручничеством. Многие
довольствовались положеньем дружинника, начиная с младшей
дружины, но не всем такое приходилось по душе.*

Валентин ИВАНОВ «Русь Великая»

*Светлой памяти Валентина Дмитриевича Иванова, с невыразимой
благодарностью за его романы, с которых и начиналась моя любовь
к истории*

© Виктор Некрас, 2020

ISBN 978-5-4498-3772-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ. ТЛЕЮЩИЕ УГЛИ

1. Русская земля¹. Родня. Осень 1060 года, ревун

Степь пахла горечью, гарью и кровью.

Всеслав Брючиславич стяхнул вышитую суконную рукавицу в руки стремянному, отцепил от пояса кожаную баклагу с сытой, отхлебнул. Мёда в сыте было мало, так как он и любил. Недолголюбивал полоцкий князь слишком сладкое питьё. Зато вода была чистая, ключевая, отроки расстарались для господина – ещё бы, природный кривский князь, потомок Дажьбога и Велеса.

– Скоро там Родня-то? – бросил он проводнику.

Проводник полоцкой дружине был придан от киян, чтобы Всеслава рать, не привычная к степной войне, не заблудилась среди балок и колков.

– Да вон она, княже, – ответил проводник, не преминув, однако, бросить на Всеслава косой взгляд. Не любят полоцкого князя в Русской земле. Или, вернее сказать, в дружине великого князя.

Их понять можно, – усмехнулся Всеслав про себя, вспоминая невзначай слышанный разговор Изяславлих дружинных воев.

– *Всеслав...*

– *Слыхали, его мать от какого-то волхвованья родила...*

– *Да и сам-то он... чародей...*

– *А я слыхал – оборотень...*

– *А не один ли хрен!*

– *Это да...*

Чего с дураков возьмёшь? Для них что упырь, что домовой, что сам Владыка Велес – одинаковы демоны...

А Родню и впрямь было уже видно – островерхие пали и шатровые кровли веж упирались в пасмурно-серое осеннее небо. Всеслав с любопытством разглядывал этот город, город клятвопреступления и братоубийства, город, в котором восемьдесят лет тому Владимир Святославич (прадед!) убил своего старшего брата Ярополка, клятвенно пообещав ему сохранить жизнь. Ничего особенного не увидел – город как город: высокие земляные валы с рублеными городнями по гребню, серые кровли. Собственно, город этот был Всеславу и не нужен, в Родне он был проездом, но остальные русские князья, по возвращению из похода избрали Родню местом расставания.

В отворённые ворота Родни уже входила какая-то конная рать. Всеслав пригляделся и различил черниговские стяги.

Святослав Ярославич.

Всеслав чуть поднял руку, останавливая дружину – черниговцев было много и всё одно приходило ждать своей очереди. И обоз у Святослава Ярославича был немал – набрали зипунов черниговские вои в походе. Да и по праву – в этом походе черниговский князь был заводилой, он же и привёл самую большую рать. Потому и славы больше всего – ему, и добыча самая большая – тоже.

¹ Русской землёй в Киевской Руси называлась не только всё государство, но и земля в Среднем Поднепровье, прилегающая к реке Рось и непосредственно к Киеву.

Всеслав чуть усмехнулся, представив досаду великого князя – раздоры меж двумя старшими Ярославичами уже не были для него тайной. Потому он так легко и уступил Святославу, быстро овладевшему руководством над всей ратью и оттеснившему самого великого князя. Слава победителя торков Всеславу была не нужна. Как и вообще слава степной войны.

Степь.

В горьковатом дрожащем воздухе висел отчётливый запах гари и крови. Земля вздрагивала, когда проходили многосотенные конные дружины русских князей, преследуя разрозненные отряды степняков.

Больших боёв, тем более, сражений в этой войне не было – торки почти не противились, кони их ещё были слабы после зимовки, а полки растрёпаны их недавней войной с половцами. И слишком большой была рать, выставленная великим князем. Все четверо Ярославичей: Изяслав, Святослав, Всеволод и Игорь – Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск. Ростислав Владимирович – Волынь. Мстислав Изяславич – Новгород. Глеб Святославич – Тьмуторокань². Ярополк Изяславич – Ростов. И он, Всеслав Брячиславич – Полоцк.

Полоцкий князь водил в Степь пятисотенную рать. Большого войска так далеко увести было нельзя – беспокойная литва всё время тревожила между (да и не только между!) княжества, забираясь набегами даже и до самых Полоцка и Менска.

Соединённые дружины русских князей и ополчение донской руси, которую ныне на Руси часто звали «козарами», в память про то, как были они подколенниками козарских хаканов, развернулись широким полумесяцем, прижимая торческие кочевья к Днепру. Война была выиграна заранее, ещё тогда, когда она была задумана. Торческие полки, уже неоднократно до того битые половцами, рассыпались по Степи, спасая кого могли. А торческие вожди, прежде свободные бек-ханы, склонились перед мечом великого князя.

Всеслав чуть усмехнулся – была нужда лишний раз громить и без того уже разбитого врага. Зачем? Чтобы торков сменили половцы, с которыми уже довелось столкнуться Всеволоду? Гораздо умнее было бы помочь торкам, чтоб они остались в Степи занозой в половецкой лапе.

Впрочем, это его мало волновало. Хотят Ярославичи громить торков – пусть их. Для его земли это мало значимо. И кривичам вообще нечего делать в Степи, у них свои «половцы» – литва. Добро хоть с несколькими у него мир – двое литовских князей на сёстрах его женаты, да за младшего Всеславича, Глеба, дочь князя селов сговорена. Но с остальными мира пока не видать. И пойдут ли Ярославичи заступаться за его кривскую землю, прикрывать её своим щитом от литвы, как он сейчас ходил с ними в Степь, на совершенно ненужную ни ему, ни кривской земле, ни Руси вообще войну – Велес знает.

Так же мыслили и гридни – Всеслав знал, что думает и про что говорит старшая дружина.

И что поразительно – ещё до похода то же самое говорил ему в Полоцке матёрый боярин, полоцкий тысяцкий, Бронибор Гюрятич, на которого он, Всеслав, нынче оставил Полоцк и всю кривскую землю.

– Мне, княже Всеслав, нет никакой разницы, кто там, на полудне, в Киеве сидит на престоле великокняжьем, – рассудительно говорил старый полоцкий тысяцкий Бронибор. – Да и не мне одному, всему боярству кривскому, пожалуй. Нас дела юга не касаются, у нас свои, кривские занозы.

Всеслав молча слушал, понимая, что Бронибор сейчас говорит вовсе не от себя, раз уж про всё кривское боярство упомянул. Стыл на столе забытый кубок с горячим сбитнем, князь жадно вцепился взглядом в лицо тысяцкого, полускрытое в тени от жагры на стене – пламя дрожало от сквозняка, и тень рвано колыхалась, то открывая крупный прямой нос боярина

² Тьмуторокань – древнерусский порт-эксклав на Таманском полуострове (теперь Тамань), центр Тьмутороканского княжества.

и клок бороды с шевелящимися губами, то снова пряча всё лицо целиком, и тогда только угадывались в тени очертания высокого лба и могучих усов.

– Нам свой господин нужен, природный, кривский, и никого oprичь тебя кривская земля на свой стол не примет. И биться мы будем за то, чтобы киянин с юга над нашей землёй не началовал, на то и отец твой жизнь положил, и дед, и прабабка. Здесь тебе князем быть, Всеславе Брячиславич, не на юге – для киян ты чужак. Боярство на Горе тебя не примет. И беды здешние тебе решать, не южные.

– Чего ж раньше мне про такое не говорил, Брониборе Гюрятич? – с весёлым удивлением спросил Всеслав, вспомнив, наконец, про кубок и отхлёбывая остывший сбитень.

– Время не пришло, княже, – Бронибор глянул сумрачно. – Ныне ты в самом возрасте, когда большие дела совершают. Пришло время весь Север в руках своих совокупить.

Пировали в большой гриднице Родни – тёсанные стены были сложены из брёвен мало не в охват толщиной, в волоковые окошки тянуло осенним влажным воздухом, смешанным с дымом костров на дворе детинца – там пировали вои. Дымно коптили жагры, несло запахом жареного мяса – в сложенном из камня-дикаря очаге над огнём медленно ворочалась цельная туша заполованного ещё утром тура. От кувшинов на столах тянуло запахам кваса, браги и мёда. Ржаной хлеб для княжьих дружин пекли все родненские бабы разом, да ещё и из соседних городков привезли – из Немирова и Василёва. Свежие яблоки и груши грудились на плетёных блюдах, тянуло свежей капустой и рыбой от пирогов, янтарно таяло масло в высоких горках каши, одуряюще пахла уха – осетровая, из рыбы, отловленной в Роси и Днепре.

Всеслав за княжьим столом больше молчал, только поддакивал здравицам, да отпивал из окованного серебром турьего рога, ходившего по кругу меж князьями – до него рог доходил наравне с Ростиславом Владимиричем, после всех четверых братьев-Ярославичей, но до их сыновей. Ростислав делал глоток раньше него, но так и достойно – Ростислав Ярославичам родственник ближе, чем он, полочанин.

Волынский князь отпивал в свой черёд – по его лицу Всеслав ясно видел, что Ростислав полон надежды на то, что он стал вровень с Ярославичами, а вернее, с их детьми – по лестнице ему, как самому старшему внуку Ярослава надлежал следующий по старшинству престол после младшего Ярославича. Так оно пока и выходило. Вячеслав Ярославич умер в двадцать один год – простудился на охоте, провалившись под лёд. Смоленский престол после него получил младший брат Игорь, переехав туда из Владимира, а Волынь по нему получил ростовский князь Ростислав.

Вот и возмечтал Ростислав о равенстве.

Ничего, Ростиславе, погоди, – забыв об осторожности, кривил порой губы Всеслав, глядя на троюродного брата. – Мечты – вещь зыбкая. Ненадёжная. Как бы о грубую действительность лицом-то не приложиться. Спыхватывался и вновь надевал на лицо вежливую улыбку – не заподозрили бы чего брата-князья.

Впрочем, им было не до того.

Ростислав ничего такого не чуял – весело кричал здравицы, отпивал из рога, принимая его от Игоря и передавая Всеславу, спорил о чём-то с Ярославичами, которые тоже весело шумели. Казалось, никаких распрей нет, и дружная семья родственников веселится после успешно завершённого дела, вроде сенокоса или посевной.

Только Игорь был мрачноват – нездоров был младший Ярославич, болел неизвестно чем. По смутным слухам, доносившимся до Всеслава, он и у травниц уже у всех перебивал и в Смоленске и на Волыни, да только не помогало ему лечение никакое. Двадцатидвухлетний князь выглядел – краше в домовину кладут.

Не приведи боги, вестимо, – по привычке подумал Всеслав, касаясь мимоходом кончиками пальцев сквозь рубаху крестов на груди солнечного и христианского – висели рядом

на серебряной цепочке. – А вот только коли что случится (все мы под Мораниным серпом ходим!) – тогда и выяснится сразу, верны ли надежды Ростислава.

Родненский терем был невелик – никто и никогда не рассчитывал, что в городе останутся разом девять князей с дружинами. В небольшом городке враз стало многолюдно. И в тереме даже для князей было выделено всего лишь по маленькому тесному хорому. И за дверями, в соседнем со Всеславим хороме ночевало не меньше десятка воев.

Своих.

Полочан.

Пир закончился около полуночи – из Родни дороги князей расходились. Всеволод поворачивал на восход, за Днепр, к Переяславлю, Ростислав – на закат, на Волинь. Святослав тоже у Родни переходил на Левобережье, а потом – вверх, к Чернигову. Великий князь же с сыновьями и до Родни шёл наособицу. И только Игорю Ярославичу было с Всеславом по пути до Смоленска.

Невелика любовь меж князьями-братьями, – думал весело Всеслав, раздеваясь ко сну. Вот и сегодняшней пир... больше на поминки походил, чем на радость. Ему же, полоцкому князю, печалиться не с чего – будь Ярославичи как один кулак, недолго было бы ему ждать того, что сгонят со стола... на Минск, Витебск или уж скорее Изяславль, дедов город, чтобы вовсе без престола не оставлять.

Но войны не миновать и при нынешнем раскладе...

Предчувствие скорой войны вновь охватило полоцкого князя – весь этот поход, казалось, был пропитан этим предчувствием. Постоянные ссоры старших Ярославичей – это только один из признаков. Игорь, младший из четверых братьев, болен невесть чем, в дуб глядит³ – и кому его престол достанется?

По старшинству-то Ростиславу, сыновцу великого князя надлежит. Да только отец его, Владимир Ярославич, уже лет восемь как умер, на великом стол не побывав. И сейчас Ростислав – изгой, не имеющий права на великий стол. И из княжьей лестницы выпадает. Однако же Ярославичи, невесть для чего уже поставили Ростислава в один ряд с собой, дав ему вслед за Игорем волиньский стол и позволив питать несбыточные, по мнению Всеслава, надежды. Ярославичи тут, так же как и с торками, сами роют себе яму.

Ростислав и будет тем камнем, швырнутым в омут, возмутившим спокойствие болота, тем камнем, от которого пойдут волны.

С войны, которую вели меж собой наследники Владимира, ныне минуло едва тридцать шесть лет. Одно поколение. У многих эта война ещё на памяти, хотя люди за время правления Ярослава уже привыкли к миру.

Но спокойствие это – показное. Как угли под пеплом, тлеют непогашенные, нерешённые угрозы. И нужен только приток свежего воздуха, чтобы угли полыхнули бушующим пламенем.

После поражения Святополка война стихла, застыла в неустойчивом равновесии, хотя было ясно, что это ненадолго, и что скоро это равновесие взорвётся новой большой войной.

Оставалось только понять – когда?

И Всеслав знал – скоро.

Горько сознавать, что именно тебе доведётся быть главным смутьяном, и то, что не именно ты первым нарушишь спокойствие – утешение слабое.

Слабое, княже Всеслав.

Но ты не можешь иначе. Ты, потомок Дажьбога.

³ В дуб глядеть – находиться на пороге смерти. Сейчас говорят «в гроб глядеть» или «в домовину глядеть». Гроб (домовина) традиционно делался из дуба, священного дерева славян.

2. Червонная Русь. Волынь. Владимир. Весна 1061 года, травень

Придорожный куст чуть шевельнулся, стряхивая капли утренней росы. Вышата настороженно подобрал поводья. Волк? Лиса? Леший?

Ну да, – тут же возразил сам себе. – Так ты лешего и заметишь. Только сверкнёт из куста едва заметными светло-зелёными глазами Лесной Хозяин, дальняя Велесова родня – и только. И то – глаза у лешего одного цвета с весенней листвой, густой и яркой. Ничего не увидишь.

ТЬфу!

Вышата Остромирич невольно сплюнул – и до чего только не додумаешься, до поминания Велеса нечестивого?! – и размахисто перекрестился. Истинно – пуганая ворона куста боится. Хотя, казалось бы, чего и бояться-то? Из Новгорода уходили мирно, со складной грамотой, в открытую.

И то сказать – кем они были-то в Новгороде? Не то бояре, не то гридни. И земля есть, и холопы, и усадьба богатая за городом, и на вече допущены – вроде бояре. И в то же время – служат князю, а не Городу. Не разберёшь. И многие в Новгороде уже поглядывали на Остромира и его сыновей косо. А меж двух скамей сидеть... скользко. Выбирать надо.

Вышата и выбрал. И Порей – тоже.

Брат тут как тут – лёгок на помине.

– Чего там? – тянет уж меч из ножен. Таков во всём – резок, поворотлив, чуть что – за железо холодное, первую судью во всяком деле.

Но куст уже не шевелился, да и Вышата не готов был точно сказать – шевелился ли он или ему почудилось?

– Ничего, Порей, – пробормотал он, подгоняя коня – и даже стыдно стало отчего-то, словно брат его за чем-то предосудительным застал, вроде трусости или воровства. – Ничего. Поехали. Владимир уже близко.

Владимир и впрямь был близко. Основанный Крестителем город как-то незаметно стал главным на Червонной Руси, превзойдя и Волын, и Червен, и ныне был стольным городом Ростислава Владимировича, князя-изгоя, хозяина Волыни.

Город на берегу Луги надвигался как-то незаметно, вырастая над окоёмом на плоском холме рублеными стенами. Заборол щетинились тёмными проёмами боев, казалось, что город настороженно следит за тобой.

Вышата опять мотнул головой, покосился на брата. Опять мерещится невесть что. Но Порей вроде бы ничего и не заметил.

Да и заметит, так не скажет – не таков брат, чтоб попусту языком молоть.

– Чего там в обозе? – спросил Вышата для того, чтоб хоть что-то сказать.

Переезд – дело нелёгкое даже и для простого людина. А уж для вятшего – боярина, гридня ли (Вышата опять поморщился, не зная, как именовать себя и брата) – и вовсе трудное. Братья из Новгорода ехали отнюдь не вдвоём. У каждого – жена, у каждого – дети, у каждого – нажитый скарб, дружина, слуги. Обоз Остромиричей растянулся по дороге мало не на перестрел. Вестимо, не все дружинные и слуги захотели поехать с господами на Волынь – от привычного-то, родного Новгорода?! Чего-то там ещё будет, на той Волыни, да как-то их встретит волынский князь? Но большинство рассудило верно – а навряд ли и отыщешь новую службу, если прознают, что прежнего господина покинул? И сейчас за Вышатай и Пореем одного только оружного люду ехало не меньше двух сотен человек. И почти у каждого воя – жена, да дети.

Остромиричи сами по себе, ещё не примкнув к князю, были нешуточной войскою силой, способной похода захватить небольшой город вроде Родни или Немирова, потому и провожали

их настороженными взглядами великокняжьи воеводы на всём пути от Новгорода до Волыни. И – Вышата отнюдь не обольщался – великий князь наверняка уже про всё знает.

Пусть. Права переезда ещё никто у вятских не отнял.

– А что – в обозе? – пожал плечами Порей, по-прежнему настороженно озирая чапыжник. Вояка, – насмешливо-нежно улыбнулся про себя старший брат. – Ничего особенного. Ось треснула на одной телеге, так заменили уже.

Боммм! – раскатилось по равнине, и тут же подголосками подхватили маленькие колокола.

– Чего это? – Порей вздрогнул. Колокольный звон на Руси был пока что редкостью – настоящих, литых колоколов было мало, звонили в клёпанные.

– К заутрене звонят, – вздохнул Вышата. Как-то незаметно они подъехали настолько близко к Владимиру, что слышали уже голоса колоколов на церковных звонницах. Воевода чуть прижмурился, вспоминая, какой нынче день, и тут же удовлетворённо кивнул сам себе. – Пасха нынче, брате, вот и звонят.

Порей не ответил, только дёрнул щекой и отворотился – он плохо разбирался в церковных праздниках, как и большинство русичей, даже и теперь, через восемь десятков лет после крещения, даже и он, прямой потомок Добрыни, крестившего Новгород огнём.

Ростислав знает, что Вышата и Порей едут, знает, что едут к нему и знает – для чего. Но всё равно надо спешить, чтобы до обедни успеть в город и встретиться с князем.

Вышата свистнул сквозь зубы, конь под воеводой запрядал ушами, настороженно покопсился. Откуда-то сбоку долетел конский топот – Вышатины сыновья, Ян и Путята, скакали где-то по лесу, гоняя придорожное зверьё (хотя какое там зверьё в лесу у дороги?).

– Звал, отче? – Путята подскакал первым, стряхнул с руки замшевую рукавицу, сдёрнул с головы шапку с синим суконным верхом.

– Звал, – проворчал Вышата, меряя сына взглядом. Хорош молодец вырос, на новгородских-то харчах. Сыновья Вышаты женаты ещё не были, придирчиво выбирая себе невест из новгородской или киевской господы, а отец не торопил. «Вот и дотянул – кто теперь за изгоев-то пойдёт? – снедовольничал кто-то у воеводы в душе. – Женятся на каких-нибудь купчихах».

– Скачи в город, – велел воевода. – В княжий терем тебя пустить должны...

– Пусть попробуют не пустить! – задиристо бросил Путята.

– Но-но! – окоротил его отец. – Не во вражий городе едешь, к господину новому! Скажешь, князю, что подъезжаем мы. Внял?

– Внял, отче, – Путята чуть поклонился и взял с места вскачь.

И с чего далось, что сыновьям теперь только на купчихах жениться? – с лёгкой насмешкой над самим собой думал Вышата, любя молодёцкой посадкой сына. Да за такого-то орла... Да и отцово место в княж-Ростиславлей думе навряд ли будет ниже, чем было в среде новгородской господы. И здесь, на Волыни, и на иных престолах. В том, что эти иные престолы будут, хотя и вроде как и не должно их быть у князя-изгоя, Вышата Остромирич не сомневался.

Затем и ехал.

Ростислав Владимирович, волынский князь, довольно потерял длинный ус, слушая молодого воя. Князь изо всех сил старался выглядеть невозмутимым, хотя в душе прямо-таки петухи пели.

Сила!

Вот она, сила!

Сразу двое из новгородской господы, вернейшие отцовы люди, бояре Вышата и Порей, братья Остромиричи! Сила. А сила ему сейчас нужна больше всего. Всё есть – храбрость, войсковая сметка... всё. Силы войсковой мало.

А Вышата – стратилат! С отцом покойным на Царьград ходил вкуче, три года у греков в полоне просидел, а уцелел и обратно воротился. Ростислав Владимирович до сих пор толком не знал, какая нелёгкая толкнула деда с отцом в ту несчастливую войну с греками, где отец потерпел столь жестокое поражение.

Когда буря разметала русские корабли, шеститысячная русская рать оказалась на берегу без возможности уйти морем, окружённая ромейскими полками.

– Помни, сын! – говорил Владимир Ярославич, горько кривя губы. – Ни один! Никто из гридней не отважился! Альбо уж сказать, не снизошёл...

Смерть на море, в прямом бою с полутора десятками греческих дромонов, казалась гридням почётнее неведомой судьбы в войне на суше. И тогда Вышата, гневно засопев, перелез через борт лоды, бросив напоследок через плечо: «Волей твоей, княже, если жив буду, то и с ними, а если погибну, то с дружиной!».

Увы!

Личной храбрости оказалось мало!

Совокупный удар греческих катафракторных полков оказался непереносным, и тысячи русских воев сдались в полон, чая выкупить свою жизнь – и доживали после жизнь слепцами! Вестимо, не всех ослепили стратеги базилевса – каждого десятого. Вот их и отпустили на Русь греки, когда через три года установился мир – на что базилевсу слепые рабы?!

Единог только и отпустили домой из зрячих – Вышату Остромирича. Сам доместик схол Заката просил базилевса за отчаянного гридня, восхищённый его отвагой.

Да он сам – сила, даже без дружины своей!

А ещё Вышата – самый близкий Ростиславу человек среди всей русской знати. Пестун-воспитатель.

Ростислав обладал удивительной памятью – он помнил свою жизнь с того мига, когда сказал первое слово – после любимой семейной шуткой стало, что слово это – не «мама!», не «дай!», а «бабы!». И неспроста – ходила за князем слава женского любимчика.

Помнил Ростислав Владимирович и свою подстягу, невзирая, что миновало ему тогда всего-то третье лето.

От коня терпко и сильно пахло, так же терпко пахло от седла – свежей тиснёной кожей. Конская спина раскачивалась, княжич до боли сжимал кулаки, удерживая ставшие вдруг скользкими поводья. А потом, когда он уже совсем падал из седла, и не мог поймать слабой ногой стремя, его вдруг подхватили чьи-то сильные руки, пахнуло нагретым на солнце железом, улыбнулись белые зубы в светлых усах.

– Добро, княжич! Добро! – прогудел голос над головой.

– Вот, Вышата Остромирич! – отцов голос был отчего-то невесел. – Возьмёшься ли сына моего в войских науках наставлять? И в прочих иных?

И ещё виделась мамыны глаза, отчего-то заплаканные.

– Чего же и не взяться, княже Владимир Ярославич? – весело отозвался тот же голос. – Да не сумуй, господине! Витязем будет сын твой!

Так помнилось, словно вчера всё это было.

И молодой вой, только что договоривший, смолкший и чуть недоумённо глядящий на князя, вдруг показался Ростиславу знакомым.

Похожим на пестуна Вышату.

– Постой... – в лёгком замешательстве сказал Ростислав, словно это было сейчас самым важным. – Ты... ты ведь сын Вышаты?! Ян!

– Не Ян, – поправил вой. – Верно, княже, сын я боярину, только не Ян. Путятой меня кличут.

Ростислав Владимирович коротко кивнул, довольный своей верной памятью.

– Я, княже, тебя тоже помню, – с лёгкой выхвалой сказал Путята. Сам он был младше Ростислава лет на пять, потому князь его не сразу и вспомнил

С Яном же Вышатичем они вместе гоняли голубей семь лет – до тех пор, пока не умерли сначала отец Ростислава, Владимир, а после и дед – великий князь Ярослав Владимирович. Новый же великий князь, дядька Изяслав отвёл Ростиславу ростовский стол. Тогда и разошлись пути пестуна и воспитанника. Вышата остался в Новгороде, не посмев нарушить волю посадника Остромира. Они долго спорили, но отцова воля перевесила – посаднику был нужен помощник в Новгороде. А новым наставником стал гридень Славята, старшой отцовской дружины. И оставался при князе до сих пор.

– И когда же будет твой отец? – князь улыбнулся всё приветливее, что было для него совсем нетрудно – петухи на душе пели всё громче.

– Да должно быть в город уже въезжает, – простодушно развёл руками Путята.

Ростислав послушно поворачивался, поднимал руки и наклонял голову, помогая холопам облачать его в праздничное одеяние. Шитая золотом белая свита князя предназначалась не только для встречи беглого новгородского воеводы – для обедни.

Пасха.

Вышата и Порей на обедню успевали тоже – не было только времени им и их домочадцам с дороги в бане попариться. Ну да к богу можно в любом виде, он простит, а баня – это и после обедни успеется.

Князь набросил на плечи алое корзно, надел шапку с красным верхом, и в этот миг со двора донёсся гам людских голосов и ржание коней.

Вышата и Порей прибыли.

Слуга просунул голову в полуотворённую дверь – вот как раз чего-чего, а ромейского напыщенного церемониала при дворе Ростислава не водилось – не с чего было. Нравы при волынском дворе были простые. Простые, но строгие.

– Звать ли, княже? – спросил слуга с достойным отстоянием.

– Зови, – отозвался князь, поворачиваясь к двери.

В сенях гулко отдались шаги, еле слышно скрипнула половица (князь чуть поморщился – сколько раз говорил челяди нерадивой сменить половицу), и в распахнутой двери возник рослый муж в дорожной сряде, всё ещё запылённый, хотя уже и умытый – на бороде ещё виднелись непросохшие дорожки воды.

Вышата Остромирович.

– Гой еси, Ростиславе Владимирович, – довольно улыбнулся беглый новгородский воевода.

Князь, тоже довольный, распахнул руки – обняться.

– Такие дела, княже Ростислав Владимирович, – вздохнул Вышата – колыхнулись огоньки на свечах.

Уже была и обедня и баня, уже был и торжественный общий пир для волынской знати и Ростиславлей дружины. Уже и домочадцы Вышатины спали, разместясь на первых порах в княжьем терему. А князь и двое беглых воевод всё говорили. В терему их было четверо – сам князь, братья Остромиричи и гридень Славята, старшой Ростиславлей дружины, молча и умно поблёскивающий глазами из тёмного угла.

Славята молчал.

– Да, – вздохнул князь. – Круто солят Ярославичи. Да так, что бояре – и те от них бегут. Не утерпел, уколол-таки князь воеводу. Любя уколол, в шутку, а всё одно – обидно!

У Вышаты на челюсти вспухли желваки, а простодушный Порей только захохотал, толкнув брата локтем в бок. Но стерпел боярин шутку от князя своего. Сжал зубы. Загнал куда-то в глубину рвущуюся неожиданную обиду.

Ростислав уже знал всё.

Род Остромира семь десятков лет стоял у кормила власти в Новгороде. Вскоре после кровавого и огненного новгородского крещения посадничья степень и тысяцкое в Новгороде досталось Добрыне, пестуну Владимира Святославича. Князь-креститель сохранял тысяцкое и посадничье за своим воспитателем, но после смерти Добрыни посадил на новгородский стол своего сына Вышеслава. Тысяцкое же перешло к сыну Добрыни, Коснятину.

Так и повелось – если не посадничье, то тысяцкое всё время было в руках Добрыниного рода. Вышеслава сменил Ярослав, потом случилась война Ярослава со Святополком, Ярослав захватил великий стол и посадником стал Коснятин. После смерти Коснятина на новгородский стол Ярослав посадил Владимира, Ростиславля отца. А по смерти Владимира посадником стал Остромир Коснятич.

Четыре года тому новый великий князь, Изяслав, утвердил на новгородском столе своего старшего сына – уже установился обычай. Остромир удержал тысяцкое. Вышата твёрдо надеялся получить вслед за отцом, тысяцкое, а то и посадничье, уверенно готовился воспринять власть над огромным и сильным городом, уже обогнавшим иные города Северной Руси и даже саму Ладогу. Потому и поддался Вышата на отцовы уговоры и не поехал с князем Ростиславом в Ростов. Но прошлой осенью тысяцкий Остромир погиб в походе на чудь, а князь Мстислав Изяславич, которому давно уже не нравилась огромная власть Добрыничей, настоял на вече передать тысяцкое иному городовому боярину, кривичу Басюре. Да ещё и прибавил – вы-де, Добрыничи, не коренные новгородцы... Недовольных властью хоть тысяцкого хоть посадника всегда в городе хоть отбавляй, так и у Мстислава сторонники нашлись. И утекло тысяцкое из рук Добрыничей.

Тогда и глянул Вышата в сторону Вольни, и вспомнил про того, у кого пестуном был.

– Я ведь сначала думал, наставниче, что ровень с ними стал. Как дядя Вячеслав умер, Ярославичи меня во Владимире усадили, с Ростова свели. Почётный стол, только вот княжество – маловато. Я мнил – ладно, до времени. А потом дядя Игорь умер. Мне за ним смоленский стол надлежал. Ан нет – в Смоленск меня не пустили. Ну и где же я им ровня?!

Теперь молчал Вышата. Слушал, изредка отпивая сбитень, и поглаживая короткую бороду.

– Придёт день – они меня и с Владимира сгонят! – Ростислав стукнул кулаком по столу – дрогнули каповые чаши, плеснул на скатерть ядрёный хлебный квас. Вину и мёдам не было сегодня места на княжьем столе, разговор взаболъ, без капли хмельного. – Кому-нибудь из сыновей их стол занадобится, Мономаху там, альбо Роману, и – будь добр, извини-подвинься, князь-изгой.

– То верно, княже, – разомкнул, наконец, губы Вышата Остромирич. Горячность молодого (по двадцать шестой весне всего) князя ему нравилась.

– Кто дал им такое право?! – горячо выкрикнул князь, потрясая кулаком. – Мой отец князем был, не хуже их самих!

– Лествичное право... – осторожно сказал Вышата. – На великом столе не был отец твой...

– То право они сами и измыслили! – бешено отверг Ростислав, ожёг боярина и гридня взглядом.

– Эх, Владимир Ярославич, Владимир Ярославич... – вздохнул Порей. – И чего было хоть бы лет на пять на свете подзадержаться...

И впрямь. Старший сын Ярослава Владимирича, ныне уж покойного великого князя, умер всего тридцати двух лет от роду. А спроста ли умер-то? – подумалось вдруг дурно Ростиславу. Он мотнул головой, отгоняя дурную мысль.

А сейчас – и впрямь, как бы со стола не согнали, если чего...

– Так чего же ты ждёшь, княже? – глянул умно исподлобья Вышата. – Бейся за то, чего хочешь! Хочешь Чернигова – бейся за Чернигов! Хочешь Киева – за Киев!

– Киев мне без надобности, пусть там Изяслав сидит, если он старший в роду, – задумчиво сказал князь, шуря глаза на огонёк свечи.

– Старший в роду – князь Судислав, – осторожно сказал Славята, подав, наконец, голос.

– Судислав постригся, а чернецу власти нет! – решительно отверг князь. – Потому и говорю – пусть сидит на Киеве Изяслав! А вот княжество округлить...

– Верно, княже, – всё так же спокойно ответил боярин. – А я тебе лакомый кусок скажу...

– Какой же? – Ростислав поднял брови.

– Тьмуторокань.

Название города прозвучало, словно что-то загадочное, как сказка о дальних краях – так и повеяло пылью дорог, росными утренними травами, розовым рассветным туманом над прибрежными скалами.

– Тьмуторокань? – медленно переспросил Ростислав.

Вышата вновь степенно отпил из серебряного кубка.

– Там, в Тьмуторокани, сила большая. Дураки думают, что это так, клочок земли у чёрта на рогах, – боярин мечтательно прищурился. – Море. Торговля. Тьмуторокань немало стоит. Святослав с Глебом сами не до конца понимают, какое сокровище им в руки досталось.

Порей задумчиво щипал ус, хмурил бровь.

– Тьмуторокань далековато, – обронил словно бы невзначай.

– Нам ли бояться дальних походов? – горделиво бросил Вышата, и Порей, спохватясь, подтвердил:

– И то верно, княже!

– А ещё там вои... – сказал вдруг Славята, сузив глаза. – Кубанская да донская русь, небось, до сей поры Мстислава Удалого не забыла, а?

– Ты на него здорово похож, княже, – заметил Вышата, словно бы мимоходом.

– Говорят так, – задумчиво обронил князь.

– Верно говорят, – коротко усмехнулся боярин. – А если нравом, так по мне – и вовсе не отличишь.

– Ай знал его? – оживился Ростислав.

– Было, – подтвердил Вышата и смолк, словно вспоминая былые годы.

Однако князь уже думал об ином.

– За Ярославичами сила. Их самих трое, да у всех сыновья есть. И Мстислав Изяславич, и Ярополк, и Глеб Тьмутороканский – оба на престолах и с дружинами.

– Их-то много, да все поврозь, – усмехнулся новгородец. – Святослав с Изяславом всё старшинства не поделят, а Всеволод – себе на уме. Да и им же самим будет лучше, если на Тьмуторокани сильный князь сядет – тогда они с тобой вместе половцев прижать смогут.

– Далеко глядишь, – задумчиво сказал князь.

3. Русская земля. Георгиевский монастырь. Весна 1063 года, травень

Где-то капала вода. Размеренно, неторопливо, глухо отзываясь в тесных сенях, капли равнодушно долбили тёсанный пол.

Кровля протекла, – подумал высокий костистый старик тоже с равнодушием. Покосился в сторону отворённой двери, но не шевельнулся.

Снаружи, видимо, шёл дождь – занудный, совсем не весенний. Весна в этом году была холодной и дождливой, совсем как осень.

В монашеской тесной келье окон не было, тускло горел светец. Да и для чего монаху в келье окно? Днём свет в келье не нужен, день чернец должен проводить в трудах и молитве, а для вечера есть лучины и светцы.

Старец Савва работать сегодня не мог – вновь, в который уже раз, навалилась злая немочь, наполнив суставы слабостью.

Чернец был стар.

Очень стар.

Счёт своим годам он знал только приблизительно – знал, что ему уже почти девять десятков лет.

Зажился ты на белом свете, отец Савва. Чернец скривил губы. Отец, да...

Скоро.

Уже скоро протрубит труба... какая ещё труба?

Мысли уже по-старчески путались – ещё один признак неизбежного. Старец Савва, в миру – князь Судислав Ольгович, старейший из русских князей – сегодня утром вдруг осознал это с небывалой чёткостью. Теперь оставалось только обдумать прошедшую жизнь, понять, что он сделал правильно, а что – нет.

И достойно встретить Её, Великую Тёмную Госпожу.

Христианин Савва скривился с отвращением, а русич Судислав только усмехнулся.

Сколько в нём, Судиславе, христианского?

Шелуха на поверхности.

Тоньше луковой.

Мать, чешскую княгиню Адель из рода Славниковичей, Судислав помнил плохо, но всегда знал жутковатую тайну своего рождения – отчим, которого все считали его отцом, тайны из рождения своих сыновей не делал, хоть и не кричали про то в Киеве на каждом углу.

Судислав не был родным сыном Владимиру, так же, как и Святополк, и Похвист... и неведомо, не был ли таким же и Изяслав! Отцом Судислава был Ольг Святославич – несчастливой судьбы древлянский князь, сын великого Святослава Игоревича, Князя-Барса.

Отца Судислав не помнил тоже – он родился в тот год, когда несчастный Ольг погиб в битве у Овруча. Ярополчичи захватили столицу Ольга, в руки великому князю попали и Ольгова казна, и семья.

После, через четыре года пришёл к власти Владимир, которого все и стали считать отцом всех русских княжичей – и детей Адели, и Рогнеды, и Ирины...

Женолюбивый выродок!

Судислав скрипнул зубами.

Владимира он не терпел. Не сказать, чтобы ненавидел, но – не терпел. Иной раз и самому странно становилось – отчего это? Ведь отец погиб в войне с Ярополком, не с Владимиром. Но не мог ничего понять – и продолжал глядеть на отчима искоса.

Хотя служил – верно.

И на степной меже, когда бешеный Варяжко, опираясь на печенегов, вел многолетнюю войну против Владимира.

И в Залесье, где после Ярослава было – хоть глазам закрывай и беги! И где довелось заново налаживать дороги, мытные двory и сбор дани, мириться с волхвами, которые грозили взят оторвать край от Руси. Судислав чуть улыбнулся, вспоминая заложенный им в Залесье город, и поныне носящий его имя. Там он нарочно вынес княжий двор из Ростова в построенный им Судиславль – не мешать волхвам и делать вид, что их и вовсе нет! Его, князя, дело было – собирать для Киева дань! А не зорить капища, как не по уму расстарался Ярослав!

И на Белоозере, куда отчим кинул его опять-таки, чтобы создать противовес Ярославу – беспокойный Хромец вдруг оказался в Новгороде во главе немаленькой дружины наёмных варягов и урман. Но на Белоозере он, Судислав сделать почти ничего и не успел – Ярослав начал дело раньше, чем ожидали, отчим странно быстро умер, и началась война, после которой уже поздно было что-то исправлять. Осталось только отстраивать город, что во время его правления увеличился мало не в пять раз, да укреплять княжество.

Судислав сжал зубы – по-старчески слабо, но всё же почувствовал, как на челюсти вспухают желваки.

Так в чём же они ошиблись тогда? Судиславу было неясно и до сих пор.

Только нет уже теперь никого – ни победителя, ни побеждённых. Ни Ярослава, ни Бориса со Святополком, ни Мстислава, ни Брячислава полоцкого.

Только тени за спиной – глядят, и не поймёшь, то ли осуждают, то ли тоже что-то понять хотят.

Они-то знают. Да вот только у них уже не спросишь.

Теперь в живых остался только он, Судислав.

Чернец опять поморщился – в горле першило и скребло.

– Колюта!

Келья отозвалась тишиной.

– Колюта-а-а, – имя тянулось сквозь зубы вязкой пеленой.

Чуть скрипнула дверь, и на пороге возник ещё один монах, почти такой же старый, как и сам бывший князь Судислав.

– Звал ли, господине? – почти утвердительно сказал он.

– Пить, – прошептал Судислав. Голос вдруг куда-то пропал.

У самых губ вдруг неведомо откуда оказалась каповая чаша с пряно пахнущим питьём. Глоток сбитня облил старческое тело теплотой, воротил голос и ясность сознания.

– Спаси бог, Колюта.

– Сколько раз тебе было говорено, княже, – ворчливо отозвался слуга, ставя пустую чашу в поставец. – Не Колюта я здесь, а Онфим.

Князь скривил губы.

– На себя поглядел бы, – бросил он с чуть заметной насмешкой. – Только и слышу – княже да княже.

Слуга усмехнулся удовлетворённо – если господин язвить начал, стало быть, легче стало бывшему князю. Нелегко далось Судиславу мало не четвертьвековое заточение в порубе – и видит-то бывший князь плохо, да и здоровье...

А так-то, по совести, рассудив, достойно бы сейчас Судиславу – Колюта тоже знал тайну рождения своего господина – и великий стол занимать. Старейший русский князь – не шутка.

Да только про те мечты сегодня забыть впору – братья Ярославичи освободили Судислава из плесковского⁴ поруба только когда он пообещал им отступить от прав на великий стол и согласился на пострижение в монахи.

⁴ Плесковский – псковский. Плесков – древнерусское название Пскова.

Забудь про мир, входящий, – сказали Колюте при пострижении. Нет теперь здесь ни князя Судислава, ни гридня Колюты, есть старец Савва и чернец Анфимий. Онфим. Всё.

Снизосли Ярославичи и митрополит Иларион к бывшему князю – дозволили взять с собой даже и в монастырь слугу, чтобы немощь старческая окончательно не доконала Судислава. Только Иларион условие поставил – не должно в монастыре находиться мирянам. И заставили гридня Колюту, в жизни никогда крест на себя не вздымавшему, постриг принять.

– Колюта, – вновь окликнул бывший князь.

– Что, княже? – бывший гридень настороженно покосился на дверь – не слышит ли кто. Новости обители отчего-то быстро становились известны настоятелю, и если прознает кир Алимпий про то, что двое монахов опять величают друг друга мирскими названиями, то епитимьи не миновать, будь один из них в прошлом хоть дважды князь, а другой – хоть трижды гридень.

– Скажи мне, Колюта... – Судислав помедлил и всё-таки договорил. – Как мыслишь, в чём мы ошиблись?

– Про что ты, Судиславе Ольгович? – не враз понял Колюта.

– Вот мы все... – нетерпеливо повторил старец Георгий. – Святополк, Брючислав, Борис... я. В чём мы ошиблись тогда, пятьдесят лет тому?

Чернец Онфим вновь покосился на дверь – не стоило бы вновь поминать мирские события... да ещё такие как те. А гридень Колюта пожал плечами:

– Что я сейчас могу сказать, княже? Кто знает?

Судислав, почти не слушая, покивал головой – свет в его глазах уже снова угасал, князь уходил в себя, в свои воспоминания.

Истовым христианином Судислав так и не стал, хотя крещён был ещё в детстве. Да и как тут станешь-то? Пестун, гридень Барята, Колютин отец, почитал Перуна и воспитанника своего к тому же приохотил. Мать, княгиня Адель, хоть и христианка с детства, а всё же не хватало духу у неё пестуну возразить – да так возразить, чтобы навсегда понял. А жаловаться самому великому князю – гордость не позволяла.

Духовник княгини как-то укорил её – не гордость, мол, тебя гнетёт, а гордыня. Мать тогда помнится, только губы поджала и смолчала, а вот он, Судислав, вскипел.

Сжав зубы до скрипа, княжич, четырнадцатилетний мальчишка, выговаривал худому попу, впившись чёрным от ярости взглядом в кроткие иудейские глаза:

– Ты, поп, с матерью моей так говорить не смей! – кулаки сами сжимались, ногти впивались в уже загрубелые от меча ладони. – Ты – чужеземец безродный! А она – княгиня!

Едва увела княгиня Адель пылкого мальчишку, цепляясь за рукав рубахи, глядя по плечу и говоря что-то успокоительное. Но ссора подействовала – священник больше не отваживался говорить с княгиней наставительно в присутствии обеих её сыновей – и Судислава, и Похвиста.

Опасался, ворон чёрный, – Судислав и теперь не мог думать об этом без злорадства.

Хихикнул по-старчески. Покосился на Колюту – гридень тоже ухмылялся. Старики за годы научились понимать друг друга без лишних слов, благо Колюта служил при Судиславе и тогда, когда князь сидел в порубе Ярославлем. Мотался по Плескову, стараясь хоть как-то облегчить затворную жизнь своего господина, хоть чем-то его порадовать.

В порубе...

Судислав невольно вспомнил годы, проведённые в заточении.

Двадцать три года.

Четверть века.

Почти полжизни.

Владимир не сумел сломить духа своего пасынка. Так же как и духа другого пасынка – Святополка. Так же, как и духа старшего сына своего – Изяслава, так и не простившего отцу гибель дядьёв и деда, не простившего и надругательства над матерью.

Судиславу не досталось такой неукротимой духом матери, какой была для Изяслава Рогнеда. Княжич сам постарался стать несгибаемым.

И стал, насколько ему удалось.

Он не сумел до конца устоять под давлением новой веры. Мало ему было отчима, который давил и вынуждал («Если же кто не станет креститься – будет враг мне!»), так ещё и мать христианка была. Добро было Изяславу от крещения в кривской земле скрываться – туда и по добром-то времени не вдруг доберёшься. И то не скрылся – как помер Изяслав невестимо от чего вслед за дерзкой матерью своей, Рогнедой, так и окрестили сыновей его, Всеслава и Брячислава.

И ему, Судиславу, пришлось креститься. На словах. Втайне княжич по-прежнему чтит Перуна и Велеса. Отчиму пришлось глядеть сквозь пальцы. Терпел его Владимир.

Отчего-то помнились сейчас только дела государские, совсем не вспоминалась семья.

Старший сын, Святослав, погиб с бою с булгарами (небольшой загон повожских удальцов пришёл тряхнуть русские веси на Верхней Волге, а княжич охотился неподалёку и не стерпел), а младший, Ратибор, провалился на полюдьё под лёд и сгорел в несколько дней от огневицы.

Вот только жена...

Отец сговорил его с хорватской княжной Предиславой (из рода несчастливого Лаборца, некогда убитого уграми) ещё в детстве, когда ему, Судиславу исполнилось всего год (да и отцу-то собственно, было всего шестнадцать). Замыслено было далеко – союз с чешскими Пржемысловичами и зличанскими Славниковичами, которые владычили над чёрными хорватами, с Владимиром в Новгороде против Оттона, Ярополка и полоцкого Рогволода. А браком (будущим браком!) с дочерью стольского князя Ратибора к союзу присоединялись и белые хорваты. Тут отец глядел и в будущее, надеясь, пожалуй, (чем боги не шутят) когданибудь и на все хорватские земли руку наложить, через родню жены и сына.

Да только, как водится, время всё перевернуло.

Ярополк про все эти приготовления младших братьев узнал заранее, а тут и повод подошел – отец погорячился, убил Люта Свенельдича. Не хотели ждать младшие Святославичи, вот и грянуло.

Ярополк ринулся на Овруч, а Рогволод – на Новгород. Великому князю свезло (с отцовыми-то полками, Святославлими, закалёнными в боях с козарами да греками!). Отец погиб в битве, Ярополчичи разорили Овруч, но великий князь поступил с семьёй мятежного брата по чести – в Киев вывез, в чести и достатке держал при себе, никоторого унижения не чиня. И сговор с белыми хорватами подтвердил – ему нужен был прочный мир на западе.

А вот Рогволод с Владимиром не совладал и погиб. И Полоцк погорел, но тут Владимир прослышал про победу Ярополка над Олегом и бежал к варягам. А потом уже была та известная всем война, когда Ярополк погиб, а победитель взял за себя и Ярополчу жену, и Ольгову, к Рогнеде полоцкой вдобавок.

И тоже сговор брачный с Ратибором подтвердил. И вышел он для Судислава и Адели вроде как освободителем.

А потом, когда он, Судислав, уже вырос, и жениться ему время подошло, всё и закувыркалось.

Пржемысловичи со Славниковичами поссорились из-за Пражской епархии, а Владимир, решив, что настало удобное время, вторгся к белым хорватам. Стольско пало, город, размерами вдвое больший, чем Киев, подчинился киянам, а княжья семья погибла в бою. Вся, опричь невесты Судислава, которую Владимир привёз пасынку, словно в насмешку – и сговор выполнил, и себя обезопасил от могущественных союзников строптивного сына Адели. А после и Славниковичи погибли от рук Пржемысловичей (даром, что родня; даром, что мать Собе-слава Славниковича, Стрежеслава Спытигневна, была из Пржемысловчей, племянница самого

Вацлава Святого, двоюродная сестра князя Болеслава Благочестивого; даром, что в церкви спрятаться от убийц пытались). А пасынка Владимир вскоре отправил в Залесье, княжить.

Потом, пока шла война Владимиричей, пока Судислав сидел в Белоозере на престоле... князь невольно вспоминал эти времена как лучшие, невзирая даже и на смерть сыновей, которые и внуков ему не оставили. Не успели.

А уже когда он в поруб попал...

Судислав невольно вздохнул.

– А что, Колюта... – свистящим шёпотом спросил бывший князь, а ныне старец Георгий, – не пришла ли пора сани готовить⁵?

– Покинь, княже, – возразил чернец, всё ещё бодрый и крепкий. – Тебе ли о смерти думать?

Князь раздражённо вскинул глаза, готовясь хлестнуть верного слугу гневными словами – что мол, ещё за слюнявые утешения? – но наткнулся на твёрдый взгляд гридня и осёкся. Гридень не лицемерил, он и впрямь так думал. И говорил, что думает, как и было меж ними, слугой и господином, заведено.

Стало быть, его дела не так уж и плохи?

– Стало, поживём ещё, Колюта? – усмехнулся князь.

– Поживём, княже, – кивнул гридень твёрдо.

Но...

– А зачем, Колюта? – прищурился Судислав, слабой рукой утирая с губ белёсый налёт.

– Что зачем, княже? – не понял гридень.

– Жить-то мне зачем? – Судислав усмехнулся, холодно и жёстко, и в этот миг Колюта снова признал в немощном старце своего господина, волевого и смелого князя. – В келье гнить? А не в келье – так снова в порубе?

Обратно в поруб князь не хотел.

Гридень молча глядел на князя и взгляд его не особенно понравился бы кому-то постороннему. Особенно если бы этим сторонним был кто-то из Ярославичей – глаза Колюты не обещали им ничего доброго.

– Нет, – тихо засмеялся князь, поняв взгляд гридня. – Опять воевать... это тоже уже не для меня. Теперь – не для меня.

– Ты – старший в княжьем племени, – твёрдо возразил Колюта. – Ты – сын Ольга Святославича! Великий стол должен быть твоим!

– Это так, Колюта, – тихо ответил князь. – Только не смогу я. Поздно. Мне поздно. Я уже в колоду гляжу, а детей у меня нет – для кого я за великий стол бороться буду? Ради самолюбия своего?!

– Отчего – ради самолюбия?! – холодно ответил гридень. – Ради правды! Ради порядка мирового! Ради богов русских!

Князь Судислав молчал – на челюсти вспухли желваки, взгляд заострился. Колюте на миг показалось – сейчас сбросит Судислав Ольгович рядом и суконное одеяло, встанет и кликнет клич витязям.

Только до Белоозера было далеко, а желваки на челюсти князя скоро разгладились.

Нет.

Не боец был больше князь Судислав, горько согласился неведомо с кем Колюта. Сами собой сжались кулаки. Хотелось мстить за загубленную жизнь господина – да и свою тоже.

– Так что пришла пора, Колюта, – почти неслышно шевельнулись губы князя. – Пора доставать заветную шкатулку.

⁵ Готовить сани – готовиться к смерти.

– Вспомнил, – хмыкнул Колюта отстранённо, что-то ища в поясной калите. – Той шкатулки уж лет двадцать как нету – сторожа плесковская выманила, чтобы тебе постель тёплую в поруб передать.

Шкатулка была дорогая, резьбы доброго белозёрского мастера, из томлёной корельской берёзы, но князь не её сейчас пожалел.

Тревожило другое.

– А... – князь чуть испуганно приподнялся, и замолк, увидев в руках гридня небольшой рожок с плотно притёртой пробкой.

– Обижаешь, княже Судислав, – укорил негромко Колюта. – Неуж ты думаешь, я им шкатулку так и отдал, вместе с...

Гридень не договорил.

Достал из поставца две каповых чаши, взялся за пробку. Встретился взглядами с князем, замер на миг.

Князь покачал головой.

– Сначала – бересту и писало.

Колюта, не удивляясь, положил на стол чистый выглаженный лист бересты, сел и приготовился писать. Не особенно навычный до сих пор в грамоте гридень многому выучился в обители.

Князь говорил медленно, хотя мысли бежали быстро, удивительно ловко складываясь в слова – то, о чём он долго думал сначала в заточении порубном, а после – в монастырском. Медленно – чтобы Колюта успел за течением княжьей мысли.

Князь Судислав отвергался от христианства и пострига. Призывая в видоки богов Перуна и Велеса, он передавал свои права на великое княжение, на каменный престол⁶ киевский полоцкому князю Всеславу Брячиславичу.

Договорил.

Смолк, переводя дыхание.

Вновь встретился взглядами с верным гриднем.

Кивнул.

– Так надо, Колюта.

– Монахи спрячут это бересто, – качнул Колюта головой. – Или сожгут.

– Верно, – подтвердил Судислав с удовольствием. – Поэтому убери со стола одну чару – оставь только для меня. А ты сам – поедешь к Всеславу в Полоцк. Немедля. Сейчас.

– Но... – попытался было возразить гридень, но смолк, остановленный взглядом князя.

– Схоронить меня и без тебя схоронят, – твёрдо ответил князь на невысказанные возражения Колюты. – Монахи всё одно не дадут тело сжечь да страву или тризну провести.

Судислав говорил спокойно, без дрожи в голосе, и гридень склонил голову, соглашаясь.

Он повиновался.

Мутная струйка канула в чару, гридень сунул опустелый рожок обратно в калиту и подал чару князю. Горьковатый запах пощекотал ноздри, князь сглотнул терпкое горькое питьё.

Теперь надо было договорить то, что ещё не успел сказать.

– Поедешь в Полоцк, отдашь Всеславу грамоту, – бесцветные губы Судислава шевелились, исторгая едва слышный шёпот. – Сам останешься у него на службе... если заможешь. С тем и всё... если в Киеве ещё когда будешь, приди на могилу, помяни, как положено...

⁶ Каменный престол – трон киевских великих князей. Обряд интронизации киевских великих князей почти полностью совпадал с таким же обрядом у правителей Чехии и Карантании, при которых князя усаживали при интронизации на каменный трон (жертвенный камень).

В глазах Судислава плыл туман, лицо Колюты двоилось, троилось и расплывалось, за ним ясно протаивало в тумане окно, в которое уже смотрели из неведомого мира, из Нави лица братьев – Святополка, Борислава, Изяслава...

Они ждали.

А за их спинами уже распахивались золотые ворота вырия – Дажьбог-Солнце тоже ждал своего незадачливого и неудачливого потомка.

– Иду... – прошептал неслышно князь и смежил глаза.

Колюта ещё несколько мгновений непонятно смотрел на ставшее вдруг невероятно худым и спокойным лицо господина, потом земно поклонился, подхватил со стола драгоценное бересто и выскочил за дверь.

4. Червонная Русь. Волынь. Река Стырь. Лето 1063 года, изок

Огнищанин Чапура народу повидал на своём веку немало. Бывали в его доме и гуртовщики-скотогоны, и калики, и вои... и даже тати.

В обычное время усадьба пустовала – изредка заглянет какой-нибудь путник, раз в седмицу-то – и то благо. А к исходу лета, как нагуляет скот мясо на привольных пастбищах, так тут Чапуре и прибыль, на которую после можно весь год прожить – кто бы куда скот ни гнал на Червонной Руси, Русской земле да Волыни, так мало кто мимо Чапуриногo огнища пройдёт. Переночуют гуртовщики, поснидают... да глядишь, барана или телёнка и оставят.

Сейчас, в самом начале лета, время было глухое. Свободное от работ – огнище спалено, распаханo, рожь посеяна, до сенокоса ещё далеко.

Чапуре было скучно.

И когда за окном зафыркали кони, донёсся топот копыт, огнищанин невольно оживился – даже лень куда-то вмиг сгинула.

Чапуре вышел на крыльцо – иного гостя и на воле не грех встретить, глядишь, и зачтёт Велес Исток Дорог такое вежество. Огнищанин вышел на крыльцо и остановился, опершись локтями на высокие перила.

Кто это к нему пожаловал?

Пятеро, весело переговариваясь, навязывали коней к коновязи. По обличью – вои и вои: бритые головы с чупрунами, длинные усы, мечи, плащи, высокие сапоги. Четверо в стегачах и набивных шеломах, один – без доспехов, молодой и по виду главный.

– Поздорову, хозяин, – бросил он. Густые брови сошлись над переносьем, зелёные глаза глянули нетерпеливо и сумрачно. Где-то Чапура его уже видел, но вот вспомнить не мог. – Овёс есть ли?

– Как не быть – отозвался огнищанин степенно. – Ты в горницу пожалуй, а мои люди сами коней приберут и накормят.

– Негоже вою коня на чужих людей бросать, – возразил молодой немедля. – Ты укажи, где овёс взять, а уж покормим коней мы сами. Да и конюшню отвори. Мы и ночевать у тебя будем, если место есть, вестимо.

– Вестимо, – Чапура оборотился и крикнул. – Колот!

Из конюшни выглянул сонный закуп. Вои невольно расхохотались, глядя на приставшие к помятому лицу и торчащие из вздыбленных и перепутанных волос былки сена.

– Захребетник твой? – всё так же сумрачно спросил молодой, который один не смеялся.

– Ну, – подтвердил Чапура. – Лодырь, каких мало.

– Чего надо-то, хозяин? – сипло спросил парень, всё ещё оторопело моргая.

– Укажи путникам, где у нас овёс. Да коней обиходить помоги.

– Спаси бог тебя, хозяин, – чуть наклонил голову молодой. И в этот миг Чапура его узнал. Нечасто доводилось до сего дня бывать огнищанину в стольном городе воынской земли, а всё же бывало. Да и как не признать господина, которому служишь?

– Княже? Ростислав Владимирич?! – не веря свои глазам, Чапура шагнул с крыльца.

Лицо молодого вмиг изменилось – из сумрачного стало совсем мрачным и настороженным. Он опасно прищурился:

– Не ори!

– Не обессудь, княже, – развёл руками Чапура. – Виноват.

– Тихо, тебе говорят, – повторил князь. – Ишь, расшумелся, будто кума любимого встретил. Чужие есть ли кто? Подсылы киевские?

– Ни души, княже, – мотнул головой огнищанин.

– Добро, – кивнул Ростислав. – Вот чего, Чапура... горница отдельная есть?

– Найдётся.

– Я у тебя в той горнице подожду, – задумчиво сказал князь. – Скоро ко мне человек должен приехать. Отай, понял?

Чапура молча кивнул.

– Так ты, если и его когда видал тоже, не вздумай орать на весь двор. Вял?

Чапура опять кивнул. Чего уж тут не понять... Отай так отай.

– А успеет путник-то твой?

– А чего? – не понял князь.

– А поглянь-ка, – огнищанин повёл головой к закату окоёма. Оттуда медленно, но неуклонно надвигались лиловые грозовые тучи. Воздух густел, становилось трудно дышать.

– Гроза его не остановит, – Ростислав Владимирич усмехнулся. – Он человек непростой. Если вообще человек...

За окном равномерно и мощно шуршал летний дождь. Гроза рокотала и ворочалась где-то в стороне, весело сверкала молниями, и только изредка прямо над усадьбой раздавался трескучий и гулкий разряд.

Чапуре скучно уже не было – огнищанина грызло любопытство – не каждый день князь отай придет к тебе домой. Князьки вои сидели в избе, но не шумели и – удивительное дело! – пили только квас. А когда Чапура спросил, где они будут ночевать, старшой беспечно ответил – а на конюшне, там места хватит! Князь сидел безвылазно в горнице.

Ждал.

А Чапура всё думал, сплетая сеть – кто же это такой, что должен отай приехать к Ростиславу Владимиричу. Что за непростой человек, если его так ждёт в одинокой усадьбе гордый и самлюбивый волынский князь. Усадьба-то вестимо, князька, вот только почему отай?

А то и не человек?

Да кто же такой?

Чапура тоже ждал.

От нечего делать взялся плести рыболовную сеть. Иногда взглядывал на жену – та возилась у печи, растопляла – надо было и поесть приготовить на такую ораву. Больше в доме никого не было – сыновья Чапуры давно женились, отделились и жили вблизи, а из челяди один закуп Колот у него в это пустое, бездельное время и был. Да ещё несколько холопов князьких, но они в ближней маленькой веси жили, не в усадьбе.

За окном сверкнуло так, что в избе поблекли огоньки светцов. А в следующий миг грянуло – Чапура подпрыгнул и перекрестился, а после ещё и очертил голову, сберегая себя от гнева Перуна. Крест на груди отнюдь не мешал ему, как и большинству русичей, почитать Перуна, Дажьбога и Велеса.

Грохот ещё не стих, когда дверь распахнулась. Поток сырого холодного воздуха едва не загасил светцы. На пороге, словно вынырнув из мутного дождя (в сенях было полутемно), возник человек – в длинном плаще и посаженной набекрень шапке.

Незванный гость переступил порог. С него лилась на пол вода, хлюпая, вытекала даже из сапог, будто он не просто побывал под дождём, а окунулся в воду с головой. Дорогой тёплый мятель был безнадежно испорчен водой и грязью – чистить теперь, не отчистить.

Гость обвёл взглядом пустую избу, на миг задержал его на князьких воях в углу и удовлетворённо хмыкнул. Огнищанин и глазом моргнуть не успел, как чужак оборотился к нему.

– Поздорову, хозяин, – он весело улыбнулся.

Чапура озадаченно поздоровался. Гость сразу поставил его в тупик: на вид лет тридцать – тридцать пять, короткая борода и усы цвета дубовой коры. Из-под туго сидящей шапки выбиваются длинные волосы. Одет богато, мало не по-боярски, кое-где и золото блестело. Да и было

в нём что-то неопишное словами и невыразимое, такое, что видавший виды Чапура сразу про себя решил: непрост.

– Тут меня дожидаться должны, – пришлец утёр мокрые усы, зачем-то посмотрел на руку. Оборотясь, он опять скользнул взглядом по воям, за столом, кому-то кивнул. Снова глянул на Чапуру и твёрдо досказал. – Князь Ростислав Владимирич.

– В горнице, – опустил глаза Чапура. – Туда вон, за печь пройди, господине.

– Добро, – гость шагнул к печи, бросив через плечо. – Пождите, други.

Тут только Чапура заметил, что дверь в сени всё ещё отворена, а у порога стоят ещё люди – трое. Бритоголовые и длинноусые, по русскому войсковому обычаю. Но один явно не вой, а, самое меньшее, гридень. Да и по возрасту пора бы ему в гриднях ходить. Чапура прекрасно знал, что не всякий вой к старости гриднем становится, но тут что-то так и шептало – гридень. То ли взгляд – отстранённый и твёрдый, то ли выражение лица, навывкшего приказывать.

– Чего подать-то, господине? – успел спросить огнищанин вслед гостю.

– А сбитня горячего, – хладнокровно ответил тот на ходу.

Спутники гостя уселись за стол – не рядом с воляньями, но и не совсем в стороне.

А Чапура, велев жене отнести гостям в горницу горячий сбитень, вновь задумался. Да кого же такого ждал в его усадьбе Ростислав Владимирич, отай, киевских подсылов опасаясь?

А в горнице двое несколько времени мерили друг друга взглядами.

– Ну, здравствуй, князь-брат, – сказал, наконец, Ростислав, волинский князь.

– И ты здравствуй, князь-брат, – ответил Всеслав, полоцкий князь, тоже подходя ближе.

И впрямь, были они друг другу братьями.

Троюродными.

Ростислав не ждал от встречи чего-то особенного – всё уже было предварительно обговорено послами – гонцы и гридни ездили меж Полоцком и Владимиром уже не один месяц – больше года. Но Всеслав в письмах уклонялся от того, чтобы обговорить действия подробно. Он и настоял на том, чтоб встретиться лично. Волинский князь вдруг вспомнил, морщась, как ему говорил гридень Колюта – жилистый старик с неприятным взглядом:

– Князь Всеслав Брячиславич хочет встретиться с тобой лично, господине. И только тогда он решит – быть или не быть дружбе меж вами.

Вот и прячутся два князя на окраине Волини, на постоялом дворе, которых по всей Руси пока что – раз-два и обчёлся.

– Тьмуторокань, значит, – задумчиво сказал полоцкий князь, наклоня над серебряной чарой волинского князя поливную ендову со сбитнем. Пряный запах щекотал ноздри. – Да... это вы с Вышатай умно решили. Через Тьмуторокань можно и весь юг к рукам прибрать...

Ростислав протянул руку, поискал взглядом, куда же Всеслав будет наливать сбитень себе и невольно замер, чувствуя, как у него медленно отваливается челюсть.

У Всеслава в руке была невзрачная полукруглая чаша – сероватая кость, оправленная в чёрное серебро. Полоцкий князь налил сбитень в чашу, поставил ендову на стол.

– Это... – Ростислав вдруг ощутил себя в далёком прошлом – там, где герои пили на пирах из...

– Да, княже Ростислав Владимирич, – чуть заметно усмехнулся кривич. – Это – чаша из человеческого черепа...

– Наследство? – слабым голосом с надеждой спросил волинский князь – его всё ещё не отпускала лёгкая оторопь.

– Отчего? – Всеслав усмехнулся. – Я эту чашу сам сделал – когда литовского князя в поединке убил. Мне тогда лет двадцать было ещё...

Ростислав почувствовал, что оторопь переходит в откровенный страх – правду, выходит, говорят про полоцкого князя.

– Ты... ты как можешь?

– А почему нет? – Всеслав чуть приподнял брови, плеснул из чаши в огонь в очаге, что-то негромко сказал – волынский князь не расслышал, что именно. И почти тут же над избой грянуло – до того гром неразборчиво рокотал где-то вдалеке. Всеслав довольно покосился в сторону узкого волокового окошка, глотнул из чаши и сел к столу. – Храбрость врага переходит в меня и моих детей. Так говорили наши с тобой предки, Ростиславе Владимирич.

– Да когда же это было... – растерянно бросил Ростислав и тоже отпил из своей чаши – рука заметно подрагивала.

– Не так уж и давно, – полоцкий князь усмехнулся.

– Ты хочешь воротить?.. – Ростислав не договорил, – и так понятно, ЧТО воротить.

– Если воля Перуна да Велеса на то будет, – голос Всеслава вдруг изменился – казалось, что вместо него говорит кто-то другой. Кто-то СОВСЕМ другой. На миг показалось. Кто огромный и очень сильный... не по-человечески сильный. – Хотя бы пока только в кривской земле.

А на сеновале, где приютились полоцкие и волынские вои, говорят про своё.

– А храбёр твой князь, что сам-третий сюда прискакал, – задумчиво говорили полочанам, Витко и рыжему Несмеяну волыняне. – Не по-княжьи.

И не понять было – осуждают или хвалят.

Луна шарила тонкими лучиками по лицам воев, пробиваясь сквозь дыры в соломенной кровле. Гроза ворчала где-то неподалёку, словно примеряясь. Большая часть волынян уже спала, и только двое всё ещё донимали полочан расспросами. Спал и единственный Всеславль гридень – Колюта, предоставив воям отвечать на расспросы волынян.

– Ваш тоже не промах, – возразил Несмеян, натягивая на плечо плащ. Повозился, устраиваясь поудобнее. – Слышал я кое-чего о нём. Да и так... не боится один с малой дружиной вне города жить...

– Тут не то, – отверг седоусый Славята, старшой Ростиславлей дружины. В его словах ясно слышался новгородский выговор, как бы даже и не кривский – в дружине Ростислава было много отцовых воев, из Новгорода, Ладоги, Руссы, Плескова. – Известно, Ростислав Владимирич не робкого десятка, не то б мы ему и не служили. Но Всеслав Брючиславич всё же в чужой земле. Потому и дивимся, что вас с ним трое всего.

– Больше народу – дольше ехать, – кривич поёжился – одежда сохла плохо. – Мы и так припоздали. Нечисть в лесу так и хороводится нынче что-то... не к добру. Ну да с нашим Брючиславичем ни одна нечисть не возьмёт...

– А сколько дней вы сюда ехали? – Славята прищурился – видно было даже в полутьме.

– Пять.

– Чего?! – второй волынянин даже привстал, тряхнув чупруном. – Как это – пять?!

Из Полоцка сюда – за пять дней?!

– Конечно, водой было бы легче, – пожал плечами Витко. – Да только дольше... А мы о-дву-конь и – напрямик, через пуши.

– Врёшь, – уже спокойно сказал волынянин, снова ложась. – Ни за что напрямик из Полоцка сюда не проехать в пять дней, даже о-дву-конь. Какие там у вас в пуцах дороги? Там же болота одни да буреломы. Заплутаешь, коням ноги побьёшь, а потом их волки сожрут... или сами сдохнут, от бескормицы...

– Ай бывал у нас? – весело сощурился Несмеян.

– Доводилось, – буркнул тот в ответ.

– Чего дивишься, Корнило? – усмехнулся Славята. – Это нам с тобой не меньше двух седмиц надо. А то же князь Всеслав! Небось сам волком оборотился, да и воев тоже обернул. Вот и домчали вмиг...

– Чего молчите, полочане? – весело подначил опять Корнило. – Баят, будто Всеслав, князь ваш, от волхвованья какого-то рождён. И будто бы сам оборотень, с нечистью знается, колдовать умеет. А?

– Не ведаю такого, – Витко загадочно прищурился. – Хоть, говорят, дыма без огня и не бывает.

Они с Несмеяном быстро переглянулись, непонятно усмехаясь.

– Да как так быстро-то тогда добрались?! – потерял терпение Корнило.

– ЗНАЕТ он, ясно? – тоже рассердился Несмеян. – Это вы, крещёные, в лесу права от лева не отличите. А нам любая дорожка – помощник, леший верный путь укажет, если надо!

– Я и говорю – колдун, – пожал плечами Корнило.

– Ай некрещён, Несмеяне? – удивился Славята.

– Вестимо, – Несмеян в улыбке показал клыки – злобно и чуть страшновато. – У нас в младшей дружине все не крещёны, ни единого христианина нет. Да и среди гридней...

– И как князь ваш такое непотребство спустил? – удивился Корнило, ехидно улыбаясь. Подначивал.

– А ты что, думаешь – у них князь крещён? – фыркнул Славята.

– А то – нет? – Корнило удивился ещё больше.

– Мы с князем в один день родились, – гордо ответил Несмеян. – И отцам нашим знамение от Велеса было. А Витко и вовсе – сын его пестуна, Бреня-воеводы. Потому нас и не крестили. А князь наш – он и вовсе самим Велесом избран. Он, Вестимо, крещён, без того князю никак в эту пору. А только и русскими богами князь не брезгует. Думаю, как и ваш же.

– А епископ ваш полоцкий на это как смотрит? – блеснул зубами в улыбке Корнило. – Неуж сквозь пальцы?

– А чего – епископ? – Витко засмеялся. – Он и в Брячиславли-то времена у князя на дворе жил, носа на улицы не казал. А ныне построили ему терем около собора Софьиного, вот и будь доволен, что из города не гонят.

Волыняне только переглянулись, и Славята многозначительно и одобрительно крякнул.

– Добро тебе, Всеславе, в кривской земле... – сказал хмуро Ростислав Владимирич, щурясь на огонёк лучины. – В крепости-то лесной да болотной.

– Ну это пока... – Всеслав криво усмехнулся. – Доберутся и до меня. Уже добрались бы, если бы не половцы. Взглянь, княже, – как только Ярослав Владимирич, дед твой, от степной грозы избавился, печенегов разгромил, так сразу и Судислава в поруб в Плескове засадил. Соперников во власти не терпят.

Ростислав поморщился – деда он любил неложной любовью, и слова полоцкого князя пришлись не в пору.

– Ты не сердись, что я про деда твоего так говорю, – тут же повинился кривич, – да ведь только из песни слова не выкинешь, то тебе не хуже меня ведомо.

Спорить было не о чем – белозёрский князь Судислав и впрямь просидел у деда Ярослава в порубе двадцать три года, а выпустили его Ярославичи всего пять лет тому. Выпустили – и тут же в монахи постригли – не мешал бы старейший князь Руси той самой Русью править да как бы на великий стол не покусился.

– Так-то, по тому же закону – по их закону! – по которому ты, княже Ростислав, изгой, на Киеве по Ярославу Судиславль черёд сидеть, он – старейший-то князь.

– Судислав умер, – глухо напомнил Ростислав, чтобы прекратить тягостный для него разговор. – А мы не про то.

– Ну отчего же, – непонятно усмехнулся Всеслав. – Как раз про то.

Волынский князь нахмурился и взглянул на троюродного брата непонимающе – поясни, мол.

– Князь Судислав помер не от старости... хоть и стар был, – отрывисто сказа полочанин. – А перед тем, как на Ту Сторону уйти, он от пострига отрёкся. И от христианства тоже! И мне права свои отписал... на великое княжение.

На великое княжение!

– На каменный престол?! – так же отрывисто спросил Ростислав. Ему вдруг показалось, что он сейчас начнёт задыхаться. – Грамота есть?!

– А как же.

На гладко выскобленный стол, шелестя, легло бересто – сухое, чуть желтоватое. И бурые буквы сами бросились в глаза.

Ростислав Владимирович сжал зубы, кожа обтянула челюсти. И тут его обошли. Но, подумав несколько мгновений, он понял, что правда тут за кривскими властелинами. Если закон об изгоях похерить, так за Судиславом, всё одно Ярославичей черёд идёт... а вот потом! Потом и Всеславль черёд как раз!

Но... тут есть ещё кое-что.

Конечно, духовная грамота Судислава очень мало весит в глазах Горы, тем более, что бывший белозёрский князь перед смертью отрёкся от христианства. Но она очень много весит в глазах народа! Именно поэтому! Ибо большинство русичей до сих пор Христа чтят неискренне, только буквы ради.

И ещё больше весит она для кривичей – Ростислав знал, что по всей кривской земле не первый год ходят слухи, что Всеслав Брючиславич от богов владыка всей кривской земли.

И ещё.

Две мелочи. Очень значимых.

Ярослав на великом столе не в черёд сидел. А князья-христиане от русских богов отвернулись и в глазах земли право на столы утратили.

При таком раскладе Всеслав вполне возможен и на великий стол сесть.

Ладно!

Ему, Ростиславу, великий стол по праву придёт только когда ни Ярославичей, ни Всеслава того на свете не станет! А окончательно рушить лестницу желания у Ростислава не было.

Волынский князь прямо глянул в глаза полоцкому оборотню и решительно протянул ему руку.

– Грамота-то откуда? – спросил Ростислав уже потом, когда всё было обговорено, и князья понемногу потягивали сбитень и грызли поджаренные орехи, ожидая обещанной Чапуриной хозяйкой яичницы с ветчиной. Волынский князь по-прежнему с оторопью косился на чашу в руках Всеслава, но прежнего суеверного страха перед полоцким оборотнем уже не чувствовал.

– Гридень привёз, Колюта, – охотно пояснил полочанин. – Помнишь ли, который от меня к тебе приезжал? Он при князе Судиславе всё время был, и в порубе, и в монастыре. Он со мной и сейчас здесь.

Ростислав Владимирович задумчиво покивал, вновь покосился на чашу в руках Всеслава и вдруг ясно представил, как Всеслав рубит голову вражьему князю и сдирает с неё кожу. Пожалуй... этот может. Волынский князь вдруг понял, что не удивится, если узнает, что полочанин в юности сердце первого убитого врага съел, а из кожи его калиту себе сделал или седло ей обтянул.

Мотнул головой и сделал крупный глоток.

Гости уезжали рано утром. Чапура стоял опричь, глядя, как выводили коня для тех двоих, которые приехали ночью. Наконец, князь вскочил в седло и, гикнув, помчался по дороге. Следом рванулись вои, раскидывая копытами грязь.

– Да кто же это приезжал-то к князю нашему? – пробормотал огнищанин озадаченно. С кем может князь встречаться отай? Разве что с иным князем каким? Ан не похож... обликом-то. Ни чупруна, ни усов...

– Князь Всеслав это, – хрипло сказали сзади.

Чапура вздрогнул, оборотился – в воротах конюшни стоял, почёсываясь, Колот.

– Тьфу на тебя! – разозлился огнищанин. – Орёшь под руку. Какой ещё князь тебе?

– Полоцкий князь, говорю, – всё так же лениво сказал закуп. – Вои ночью на конюшне болтали. Всеслав Брячиславич.

Чапуря озадаченно почесал затылок, опять поглядел вслед всадникам, пытаясь понять, чего же это такое ночью было в его усадьбе, но так ни до чего путного и не додумался. В досаде огнищанин рыкнул на Колота, прогоняя его обратно на конюшню, и пошёл к крыльцу. Наступал новый день, надо было завтракать да за работу браться – хоть и не страдное время, а всё одно, работы на огнище за день не переделать.

А про встречу двух князей, одному из которых на Волыни и вовсе бы нечего делать было, в скором времени забылось.

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ. ИЗ ТИХОГО ОМУТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. БЕСПОКОЙСТВО

1. Словенская земля. Новгород. Весна 1064 года, травень

Первый солнечный луч пробрызнул багряным золотом по окоёму, и почти тут же по городу запели петухи – третьи за нынешнюю ночь. Небо над окоёмом побагровело, а над этим румянцем уже наливалась ярким хрустальным светом утренняя весенняя лазурь, вытесняя остатки ночных сумерек.

Князь Мстислав Изяславич встречал рассвет по своей давней привычке, сидя на баляснике узорного резного гульбища княжьего, отцова – да нет, теперь уже давно не отцова, а его, Мстиславля! – терема. Он любил встречать рассвет, любил дивоваться городом, что вольно раскинулся над пологими берегами Волхова-Мутной, длинной чередой заполняя откосы, вздымая гряды бревенчатых стен над мутной водой великой реки. Любил ещё с тех времён, когда княжичем был. Любил и сейчас, новгородским князем будучи, когда отец – на великом столе киевском.

Мстислав криво усмехнулся. Князь великий! Дед Ярослав Владимирович, великим князем будучи, всю Русь одержал в руках, а отец... В Чернигове Святослав, на Тьмуторокани – Глеб. В Переяславле – Всеволод. В Полоцке – Всеслав, на Волыни – Ростислав.

Князь Мстислав тряхнул головой, отгоняя вздорные мысли – до сих пор не доводилось оспаривать волю покойного деда, рассадившего их по престолом в городах. Ведь верно рассудил он – никого без престола не оставишь, неприлично то для князя. Даже и у Всеслава Полоцк отнять было бы нелिцеприятно и неправильно, хоть тот и вовсе – изгой из изгоев.

Послышался голос из-за спины:

– Прости, княже...

Князь обернулся и встретился глазами с острым – уколоться можно! – взглядом ближнего гридня. Из-под светлых нерусских бровей глядели холодные серые литовские глаза.

– Чего там стряслось, Тренята? – невольно встревожился Мстислав, словно что-то почуя. На деле белобрысого гридня звали Тройнатом, но он давно уже навывк к словенскому назвищу, которым его кликали и князь, и товарищи.

– Вой Ярун из Полоцка воротился, княже, – гридень глядел непонятно. – К тебе просится, Мстиславе Изяславич.

Князь нахмурился – не любил чего-то не понимать. Яруна он сам посылал в Полоцк с мало значимым делом, как обычного гонца, но с тайным поручением. Ярун не должен был воротиться так скоро.

Послать Яруна в Полоцк князя Мстислава подвигло не простое любопытство, а вернейшее чутьё. Что-то казалось ему не так в этом княжестве.

Кривская земля изначально была отрезанным ломтем – с самых первых князей. Ни Ольг, ни Игорь не смогли подчинить Полоцка, а Князь-Барсу Святославу Игоревичу с его южными делами было не до кривской земли. Владимир на короткое время сумел-таки охватить и Полоцк, и Витебск, но уже его сын Изяслав с Рогнедой вкупе Киев в медное пуло не ставили. А Бря-

числав, нынешнего князя отец, и обособился, и даже на рати стоял против деда Мстиславля, Ярослава Владимировича.

Всё это было известно и привычно, и дело было совсем не в этом.

Полоцкий князь был вполне дружелюбен и Киеву, и Новгороду, хотя в новгородской боярской гонимости многие помнили взятие Новгорода от его отца Брячислава сорок лет тому. Любой купец из Киева или Новгорода в полоцкой волости мог торговать как у себя дома (плати только известное мыто), любой посланник киевского или новгородского князей встретил бы в Полоцке самый радушный приём, у полоцкого князя в Киеве было собственное подворье, но!..

Мстиславу в Новгороде было виднее, чем даже великому князю в Киеве.

В Полоцке что-то готовилось. Сам князь на язычнице-ведунье женился, а епископ Мина вовсе вожжи из рук выпустил. Или – вырвали?! А собор Святой Софии – стоит! А ведь это заявление на власть – не меньшее, чем в Киеве или Новгороде!

В воздухе пахло войной...

Тренята глядел на господина с равнодушной готовностью к любому указанию.

– Где он? – князь уже начал нетерпеливо притопывать ногой.

– В гриднице сидит, тебя дожидается, – Тренята помог князю накинуть на плечи лёгкую суконную свиту, сберегая от утренней прохлады. – Видно, и впрямь что-то срочное.

Тренята сидел на лавке возле увешанной оружием стены, спокойно прикрыв глаза, скрестив руки на груди и совершенно не обращая внимания на то, как беспокойно мечется по гридне взад-вперёд Ярун – гибкий и быстрый вой в роскошной сряде: серебром шитый плащ, красная шапка с высоким верхом и бобровой опушкой, зелёные сафьяновые сапоги. Кого иного за такой наряд Тука альбо кто иной, презрительно губы скривив, щипом бы обозвал, а вот с Яруном – не так. Больно уж толков в бою был вой Мстиславль. Только всё одно не понимал Тренята, как можно при таком войском талане так любить роскошь.

Князь быстро вошёл в палату, и, хоть и привык за пять лет княжения к почестям, подивился, как мгновенно изменились оба – и гридень, и вой. Тренята открыл глаза и неспешно поднялся на ноги, чуть склонив голову, блюдя одновременно и свою, и княжью честь. Ярун легко развернулся на каблуках навстречу великому князю, быстро поклонился, сдёрнув шапку и тряхнув длинным чубом на бритой голове.

Мстислав махнул рукой, позволяя садиться обоим. Тренята всё так же неспешно сел обратно на лавку. Ярун чуть насмешливо покосился в его сторону – на рати, дескать, так же шевелиться будешь, воевода? Но смолчал, не только уважая годы, но и зная – когда надо, Тренята умеет двигаться ой как быстро. Сам же вой, хоть и перестал бегать по гридне, но сесть не пожелал – отошёл в сторону, прижался спиной к изразцовой, разноцветной литой глины печи. Впился глазами в князя и воеводу.

– Говори, вой, – Мстислав уселся на скамью и опёрся локтем на стол. – Что за вести такие срочные, что ты в княжий терем ни свет, ни заря прискакал?

Ярун шагнул вперёд, и князь поневоле залюбовался. Рослый вой с бритым наголо подбородком и длинными усами, бритоголовый, с чупруном – жив ещё древний обычай брить голову да бороду знатному вою, чупрун оставлять, на Перуново обличье равняться.

– Плохие вести, княже, – Ярун по давней привычке принялся играть цветными кистями пояса.

– Насколько плохие?

– Совсем плохие, Мстиславе Изяславич, – под пристальным взглядом Треняты вой уронил кисточки и выпрямился. – Неподобь какая-то в Полоцке творится. Первое – епископ в городе даже голоса возвысить не смеет, живёт у князя в терему мало не как пленник. Службы в соборе проходят постоянно, да только градских на них ходит – горсть. А бояре, которые к службе ходят, у князя полоцкого не в чести, в терем не званы.

Мстислав покосился на гридня, а Тренята только молча пожал плечами – дела церковные его некоторым боком не касались, он и сам был недавним язычником, крещён был только пятый год всего.

– Второе, – сказал Ярун, охмурев ликом. – В Полоцке полно ратных, с оружием – боярские дружины да городская рать. Не то, чтоб готовы в любой миг выступить, да только ведь нету дыма без огня.

– Но это ещё ни о чём не говорит, – заметил князь, подавляя улыбку. Воевода недовольно засопел, но наклонил голову, соглашаясь непонятно с кем – то ли с князем, то ли с воем. Скорее всего, всё же с воем. Мстислав закусил губу. Он был ещё молод, по двадцать четвёртой весне всего, а только и он понимал, что большого числа воев долгое время в городе не удержать – кормить станет нечем. Им придётся дать какое-нибудь дело. И какое же дело может дать своим воям князь Всеслав?

– При мне князь несколько раз куда-то исчезал из города всего с двумя-тремя воями, – Ярун почти кричал. – К князю в терем ночами таскаются какие-то подозрительные люди в серых плащах до пят!

– Самый удобный способ скрыть лицо и одежду, – буркнул Тренята. – Ты никак ночью и в княжий терем лазил?

– Да зачем? – Ярун уже успокоился и перевёл дух. – И так видно. Я там ночью прогуляться вышел, а никому ведь не запрещено возле княжьего терема гулять.

– И потом... – он помолчал несколько мгновений. – По Полоцку и всему княжеству ходят упрямые слухи, что князь Всеслав избран древними богами, – вой размашисто перекрестился, ограждая себя от бесов, которых неведомы богами зовут. – Избран для того, чтоб восстановить старую веру.

Вот оно! Мстислав приподнялся в кресле, вцепясь в подлокотники. Вот оно!

– Тысяцкий Полоцка постоянно привлекает сбегов из наших земель – неведомы-язычников, – продолжал вой. – Несколько раз я видел, как в княжий терем ходили люди с Варяжьего Поморья⁷ – не только купцы.

Мстислав закрыл глаза и откинулся к стене, прижался затылком к гладко выскобленным брёвнам, ощутил приятную прохладу старого доброго дерева.

Вот оно и пришло, – стучало в висках.

В воздухе пахло войной.

– Вестимо, всё это только слова, – гулко отдаваясь в ушах голос Треняты – литвин неплохо говорил по-русски, как и всякий, кто родился поблизости от словенских поселений. А только в речи Треняты всё одно слышалась какая-то странноватая чужинка.

Полоцкая земля становится всё сильнее. Сбеги идут туда постоянным потоком – язычники бегут от крещения и из Новгорода, и из Смоленска, и из Плескова. Придёт время, они, если что, стеной за Всеслава встанут. Князь чуть заметно усмехнулся – в том, что это время придёт, Мстислав не сомневался ничуть. Ярославичи этого упрямого изгоя в покое не оставят. Да и сам Всеслав навряд ли успокоится – каково окружение, таков и князь.

Мстислав неувовимо усмехнулся – силен и настойчив полоцкий оборотень.

Мстиславу вспомнилось то, что он слышал про Всеслава до сих пор – упорные слухи, будто рождён полоцкий изгой от волхвования, про Велесову мету, про то, что будто бы ЗНАЕТ полоцкий князь, и волком оборачиваться может. А то и иных обернуть – дружину свою, к примеру, как древний Волх Славич.

И ещё вспомнилось – Всеслав сотворил ради своей женитьбы почти два десятка лет тому.

⁷ Варяжье Поморье – земли на южном и восточном побережьях Балтийского моря, населённые западными славянами-варягами.

Немногочисленная христианская господа, привыкшая за время правления Брячислава быть в чести, к тому, к чему её слово слушалось князем внимательно, при вести о женитьбе Всеслава встала на дыбы.

Как?!

Без нашего совета?!

Невесть кого и откуда?!

Ведьму-язычницу?!

Для полоцких вятших, что хранили прадедню веру, только ясно явленная воля нечестивых языческих богов была для них сильнее. Да и может ли более быть угодна богам иная супруга князя, чем жрица?! Тем паче и не простого рода жрица оказалась – из словенской знати, мало не княжьего рода, тех ещё, князей, варяжьего времени.

А христианам пришлось смириться.

И теперь у Всеслава стола было только трое бояр-христиан, тех, кто сумел понять и принять волю юного полоцкого князя.

Полоцкая земля – последний на Руси оплот неведомых-язычников, – подумалось Мстиславу. Если землю вятичей не считать, конечно. А это неправильно... так быть не должно. Не может быть две веры в стране...

Вестимо, Мстислав не думал, что в иных волостях поголовно все христиане... и в городах-то не все. Эвон, и в Киеве на Подоле до сих пор Турова божница стоит – попробуй-ка разори. Про Ростов да про Волынь и помолчать в сторонке бы. А про вятичей и говорить нечего, там и господа местная вся – язычники. Только в городах сейчас власть у христиан, да и князь все христиане. Везде, опричь полоцкой волости. И долго такого Ярославичи не потерпят.

Полоцкие Изяславичи и без того были изгоями и редко появлялись в Киеве, хоть у Всеслава отца, Брячислава и было в Киеве своё подворье. А уж с того, что Всеслав открыто станет на сторону старой веры... а этого ждать не год и не два, считанные месяцы, а то и дни. Тем более епископу Мине того и гляди путь из Полоцка укажут, а пресвитеру Святой Софии Анфимию, с его-то голубиной кротостью души, полоцкого изгоя в руках не сдержать.

Тут, на севере, у Всеслава сила немалая. Кривичи новгородские и плесковские вряд ли против него будут – Всеслав природный кривский князь, в Полоцке его мало на руках не носят.

Да и теперь северная Русь и южная Русь – будто бы две отдельных страны. Строго-то поглядеть, так оно и есть – кривичи да словене совсем отдельный народ. Они все на Варяжское море⁸ завязаны, а южные русичи – на Степь. Он-то, Мстислав, в Новгороде редко на Киев оглядывается – а как же иначе, в таком нравном-то городе, который даже сам великий дед Ярослав Владимирович от дани Киеву освободил? Поневоле возгордишься.

Ярославичи сейчас не едины – все трое врозь глядят. Самая доба Всеславу выступить...

Сейчас, пока он ещё может сокупить недовольных и выкроить свою державу. Тогда, глядишь, она и станет очагом старой веры. А иначе – пройдёт всего лет сто, и его потомки будут истовыми христианами, креститься на иконы станут.

А если сможет полоцкий князь своего добиться... тогда поток сбегов с христианских земель станет ещё гуще. А стало быть, кривская земля станет ещё сильнее. И... не выйдет ли так, что для Всеслава и киевский стол тогда будет достижим?.. Хоть он и изгой по праву, да только ведь у сильных свои законы и поконы...

И что тогда?

Тридцати лет не прошло с большого восстания в ляшских землях против христианства. В урманских землях после смерти Олава Трюггвассона христианство умалилось сильно. Аркона⁹ стоит нерушимо, и Двор Богов в Упсале, и лютичи вольны, и варяги! Да и... на Руси –

⁸ Варяжское море – древнерусское название Балтийского моря.

⁹ Аркона – священный город славян на острове Руян (Рюген), в котором находился храмовый комплекс, посвящённый

тоже... невелико полно и в Киеве, и на Волыни, и здесь, в Новгороде... С крещенья-то меньше ста лет прошло. А сто лет – для богов разве это много, прости господи за поминание бесовское? Нас, христиан – горсть!

Никогда не смиряется Ярославичи с отторжением родового наследия, потому и доведётся скоро кривской земле со всей Русью ратиться, и пока не сядет Всеслав на великий стол в Киеве, война не окончится. Или, наоборот, пока не избавится Ярославле племя от полоцкого оборотня. И ничем иным она окончиться не может. Либо – либо.

Князь открыл глаза и встретился взглядом с Яруном. Чуть улыбнулся, самыми уголками губ, и сказал, что думал:

– Горячку в сём деле пороть невместно. Разошли гонцов, воевода, чтоб бояре и гридни свои дружины могли собрать в поход вмиг. И всё – отай.

– Сделаю, – понятно кивнул воевода.

– И в первую голову – Плесков упредить, – подумав, добавил князь. – Буяна Ядрейковича. Хотя... может, ещё и пронесёт господь, – Мстислав, вслед своему вою, размашисто перекрестился в сторону божницы с иконами.

2. Дреговская земля. Окрестности Менска. Весна 1064 года, травень

Лес темнел угрожающе, мрачно глядел из-под надвинутых козырей еловых лап, щетинился сосновой хвоей, что-то грозно шептал берёзовой листвой. Кривая тропа бросилась навстречу, упруго и послушно легла под ноги. Мелькнули мимо придорожные кусты, сердце билось где-то в горле, ветер бил в лицо, сбивая дыхание. В затылок дышал Страх. Погоня висела за спиной.

Лес вдруг расступился, выгнулась горбом поляна с пожухлой травой. Посредине высился резной столб. Капъ. В самую душу ударил пронзительный взгляд из вставленных в глазницы самоцветов.

– Жди-и... – прокатился по поляне гулкий шёпот.

– Жди-и, – отдалось в кустах.

– Жди, – отозвался шелест листвы.

Волхв Славимир вздрогнул и открыл глаза. В узкое окно бил свет, пели снаружи птицы. Утро уже наступило.

Волхв сел, обхватив руками седую голову.

Сон тяготил. Пугал. Тербил душу. Станный сон, непонятный. Наверняка знамение. Давно Исток Дорог, Отец Зверья, не посылал своему слуге знамений.

Но чего ждать?

Неясно. Неведомо.

Избушка Славимира была маленькой. Да и к чему волхву большой дом-то? Пусть князья да бояре величаются богатством да зажитком, высокими хоромами да обильными стадами, мехами да узорочьем. Волхвам того не надо, они проводники воли богов, на них лежит Их благословение. Волхв должен всё уметь и мочь сам. Один. Вот когда ослабнет до того, что едва ноги заможет таскать – тогда, волей Велеса, и появится у него ученик-помощник. А после и Велес сам волхва призовет.

Волхв вышел на высокое крыльцо. Дом был хоть и мал, да казист – крытый тёсом, полотенца, причелины и наличники в затейливой резьбе.

Свентовиту. Упсала – древний город на территории современной Швеции, в котором находилось языческое святилище – «Двор богов».

Славимир метнул по сторонам грозный взгляд. Шурша иголками, торопливо уполз под крыльцо ёж, запыленно взмахивая крыльями, метнулась к лесу сова.

Душу тяготило ожидание. Ожидание чего-то непонятного и важного. Чего?

Славимир подошёл к храму, пробежал пальцами по рубленным стенам, погладил тугие валики мха в пазах, глянул на солнце, льющее золото поверх конька.

Не добрались ещё в эти края христиане, – подумал Славимир, всё ещё поглаживая мох. – Глядишь, и не доберутся, князь-Всеслава-то чаянием...

О Всеславе подумалось с искренней теплотой. Кто бы мог подумать, что у князя Брячислава, христианина и внука Отступника, построившего собор Софии в Полоцке, будет **такой** сын. Не зря же Велесова воля в нём.

В храме было полутемно и прохладно. Суровый лик Велеса глядел на волхв с двухсаженной высоты непроницаемыми глазами.

– Вразуми, господине, – тихо прошептал Славимир, подходя.

Сможет ли князь Всеслав выполнить задуманное?

Воспрянет ли родная вера, отринув наносную плесень христианства?

Воротится ли на земли Руси власть русских богов?

И чего сегодня Ты велишь ждать мне, волхву Славимиру?

Чёрный петух безголосо разевал рот – страхом голос отсекло. Славимир уцепил птицу за связанные лапы, примостил к подножью капа и одним движением отсек петуху голову. Кровь щедро облила подножье, тонкой струйкой стекла в огонь небольшого костра. Волхв подставил ладонь под струйку, набрал полную пригоршню и щедро обмазал лицо капи. От жертвенного огня привычно пахло горелой кровью.

– Вразуми, господине, – повторил Славимир, кланяясь. – Помоги не ошибиться.

Человек показался на опушке, едва только Славимир вышел из храма. Он шёл не от восхода, как ждал волхв, а с полуденного заката. И едва волхв завидел его, как в сердце тут же стукнуло – он! Тот, кого ему было велено ждать – от самого Велеса.

Человек шёл от опушки медленно и устало, не спеша приближался к ограде святилища, а Славимир всё так же молча ждал у ворот храма. Волхв тоже не спешил, а недостойное слугителя Велеса любопытство подавить не стоило особого труда.

Человек подошёл к изгороди, на мгновение задержался и двинулся к воротам. Волхв готов был поклясться – у пришедшего на миг возникло желание махнуть через забор, но тут же и пропало. И правильно – в святилище через забор не ходят, в святилище попадают только через ворота.

Волхв ждал.

Человек приблизился на несколько шагов и поклонился:

– Гой еси, волхве.

– И ты здрав будь, человеце, – таким же голосом отозвался волхв, не двигаясь с места. – Люди зовут меня обыкновенно Славимиром. Говорят ещё, что я – сын Боряты.

– Ты меня зови Калиной, – коротко усмехнулся пришедший, и волхв невольно залюбовался им. Высокий жилистый мужик с тугим мясом на плечах, руках и ногах – ни капли жира. Лицо – жёсткое, словно топором из дуба вырубленное. Длинные тёмные усы, стрижка в кружок и густые косматые брови. Бороды не было по войсковому обычаю – видно, был и воем некогда. Глаза серые и глядят холодно.

– Идём, – коротко кивнул волхв в сторону храма.

– Идём, – так же коротко согласился Калина и двинулся впереди Славимира.

Шёл он по-войски и одет был по-войски – кожаная безрукавка, некрашенные холстинные порты, поршни с длинными оборами. За пояс заткнут небольшой топор на длинном кыю. А за спиной накосе подвешен длинный свёрток холстины и кожи. Волхв готов был поклясться, что это – меч. Но отчего – в свёртке?

Славимир прикрыл на ходу глаза, нимало не опасаясь споткнуться – чего там опасаться, если за сорок лет вся поляна святилища исхожена вдоль и поперёк, поневоле знаешь, куда в следующий миг ногу ставить – и мысленно потянулся к мечу. И тут же отпрянул – взаболь отпрянул, не мысленно. От меча повеяло силой – не человеческой силой, первобытной мощью, предвечной силой богов.

Боги, – смятённо подумал волхв, открывая глаза, чтоб не споткнуться – умение ходить по поляне святилища враз куда-то подевалось. – Да знает ли этот человек, ЧТО он так простецки несёт за спиной?

Калина оборотился, словно услышал мысли волхва. Коротко усмехнулся и, чуть пригибаясь, пролез внутрь храма.

Меч лежал у подножья капа, на двух постелях – холстине и тонко выделанной бычьей коже. Кожаные ножны, крашенные под морёный дуб, серебряная оковка со священным узором, ухватистая рукоять тиснёной бересты, серебряное оголовье в виде головы сокола.

Древняя работа.

– Древняя работа, – словно откликаясь на мысли Калины, обронил волхв задумчиво. – Очень древняя. Очень.

Калина молчал.

– Мне даже трудно представить, насколько древняя, – всё так же задумчиво сказал Славимир, коснулся рукой ножен и меча, чуть вытянул из ножен клинок, полюбовался струями бурого оцела.

Плеснуло в глаза огнём, ломано полыхнул стремительный переплёск клинков, мелькнула в тумане и дыму чья-то волосатая морда с разъятым в крике ртом, потом всё снова затянуло кровью и пламенем...

– Работа самого Сварожича, – чуть слышно прошептал Калина, не отрывая глаз от благородного оцела и ломающихся на лёзе искр света. – Это меч... из оружейни самого Перуна...

Волхв метнул на Калину быстрый взгляд, но ничего не сказал, вдвинул меч обратно в ножны и уложил обратно на кожу.

– Сто лет тому подобный меч носил Святослав Игоревич, Князь-Барс.

– Это он и есть, – всё так же тихо сказал Калина. – Это необычный меч.

– Вестимо, – кивнул волхв. Мечи богов простыми не бывают. Тысячи воев пойдут за обладателем этого меча, смерти не страшась, на стрелы и копья, под мечи и топоры. На них обоих, на волхва и воя вдруг снизошло что-то огромное и могучее, словно рядом с ними неслышно возник кто-то громадный, непредставимо сильный и мудрый, смотрел на них, слышал и ждал. А в таком присутствии не принято говорить громко. – Такое оружие сходит на землю редко. Откуда у тебя этот меч?

– От отца достался, – Калина говорил, с трудом находя верные слова. – А ему – от его отца.

– А ему?

– Я не знаю, – Калина вздохнул. – Дед никогда об этом не рассказывал. Тут тайна какая-то. Есть только вот это...

Сухая тонкопалая рука уронила на холстину перстень. Тонкая серебряная скань, искусно выделанная в виде волчьей головы с малюсенькими осколками рубинов в глазах.

Славимир слегка побледнел.

– Вижу я, владыко, тебе перстень этот ведом, – негромко сказал Калина.

– Да, – глухо произнёс волхв, протянул к перстню руку, но коснуться не решился. – Ведом. Не думал я, что хоть один ещё есть сейчас на земле...

– Это тоже... память из Святославлих времён.

– Как звали твоего деда? – внезапно спросил волхв.

– Некрас Волчар, – не задумываясь и не сомневаясь, ответил Калина. – Он осел в кривской земле восемь десятков лет тому. Такова была воля меча...

– Воля меча... – задумчиво протянул Славимир, ничуть не удивляясь. Конечно, меч непрост, он почти живой. У него есть своя собственная воля... – Твой дед жив?

– Нет, – Калина покачал головой. – Он погиб на Судоме.

Волхв задумчиво покивал.

– А отец?

– Он тоже умер. Двадцать лет как.

Волхв задумался.

– Наша семья – хранители, – продолжал Калина. – Мы не можем пользоваться мечом сами, мы должны передать этот меч достойному.

– И... – волхв почувствовал, что задыхается – он вдруг понял.

– Сегодня ночью мне было видение, – прошептал Калина.

Горы вздымались к низкому, свинцово-серому небу, упирались в него заснеженными пиками, высились непредставимыми громадами, навевая лёгкий страх и мысли о непредставимом величии.

В серых тучах мелькнули молнии, прокатился лёгкий рокот. Потянуло грозой – сыростью и огнём.

В клубящихся тучах проступил чей-то лик – сначала едва различимо, потом всё яснее – чуть прищурясь, на землю, на подножья гор, на оторопелого Калину сурово глядел могучий бритоголовый длинноусый муж.

– И что тебе было велено? – спросил поражённый волхв. Впрочем, чему удивиться – воля богов есть воля богов.

– Мечом должен владеть полоцкий князь Всеслав Брючиславич, – всё так же тихо, но твёрдо сказал Калина и опустил глаза.

Три всадника вынеслись из леса, и Несмеян на миг задохнулся – тёплый ветер хлестнул навстречу, упруго надавил на грудь, властно и ласково перехватил дыхание. Утоптанная дорога глуховато отзывалось под коваными конскими копытами, боязливо жалась к лесной опушке, пряталась под развесистые ветки сосен и елей, ныряла в березняки.

Дорога был знакома. Знакомей некуда.

Князь Всеслав вдруг надал, словно уходя от погони – любимый Всеславль конь взял с места вскачь. Несмеян и Витко встревожено ринулись вскачь следом – не случилось ли чего. Но Всеслав уже остановил коня и, смеясь, оборотил к воям разгорячённое жарой лицо.

– Хорошо-то как, Несмеяне?! – крикнул он, любуя зеленью леса. – Любота!

Вой понимающе кивнул, подъезжая вплоть. И впрямь хорошо было. Лето уже ступало по густолесой кривской земле, яркая зелень ещё не пожухла, прибитая зноем, не тёк ещё по лесным полянам духмяно-пряный запах созревающих ягод. И любо же в такой день, забыв по княжье достоинство, поскакать навстречу ветру...

– Любо, княже, – подтвердил Витко, бросая косою взгляд на опушку – мало ли чего. Князь, видимо, поняв, бросил вою:

– Не хмурься, Витко... тут в меня стрелять некому...

Но поехал всё же медленнее.

– Ну-ну, – неопределённо бросил вой.

А князь задумался.

Несмеян, конечно, прав, как же без того. Потому князь и едет сейчас к волхву Славимиру, что знает и сам – христиане его в покое не оставят.

Вот и Бранимира так думает...

Деревья расступились, и князь увидел святилище. А вместе с ним – и толпу вокруг холма.

Взлетел многоголосый торжественный крик. И тут же смолк.

Мало не вся витебская волость собралась к утру около храма. Всеслав невольно ахнул, но тут же понял – чем больше народу увидит то, что сегодня предстоит ему, тем лучше. Весть о том, что случилось в святилище, тонкими ручейками растечётся по всей кривской земле – не только по Витебской, Полоцкой и Минской волостям, но и в Смоленск, в Плесков... в Новгород. И искра надежды, ещё тлеющая в душах ревнителей родной веры, при этих вестях возгорится ярче...

Всеслав в полном молчании проехал к воротам святилища, ощущая на себе пристальные взгляды кривичей – мужиков и баб, детей и стариков, воев и бояр, воев и даже холопов.

Славимир ждал в воротах – длинное одеяние из медвежьей шкуры со священной вышивкой, гроздья оберегов, священный шелом из медвежьего черепа с лосиными рогами. Резной посох рыбьего зуба, распущенные космы седых волос, пронзительный взгляд из-под косматых бровей.

Князь спешился.

Земно поклонился волхву.

– Гой еси, владыко.

– И тебе поздорову, княже Всеслав Брячиславич, – Славимир излучал величие. На миг князю показалось, сам Велес сейчас стоит перед ним. Только на миг.

Волхв чуть повернулся, открывая князю дорогу в святилище.

– Пожалуй, княже.

И снова толпа вокруг храма взорвалась торжествующими криками.

И вот они стоят в воротах святилища друг напротив друга, и зубчато-причудливая тень храма падает на них, укрывая от палящего летнего солнца макушку волхва, не прикрытую более ничем. А князь чуть щурится на солнце, глядит вприщур и ждёт – что скажет ему на сей раз старый учитель, волхв Славимир.

– Приехал всё же таки? – со странной усталостью обронил волхв. – Ну, идём, Всеславе Брячиславич.

– Владыко, я... – начинает было князь, но Славимир остановил его коротким движением руки.

– Ведаю, для чего явился, – всё так же тяжело сказал волхв. – Пошли, говорю.

Князь больше не осмелился ничего возразить. Он и сам ещё толком не понял, для чего приехал в святилище – то ли спросить у богов совета, то ли ещё для чего... А волхв – знает.

В храме было прохладно, знакомо тянуло запахами старой смолы, засохшей крови и мёда – приношения богам были разными.

Остановились у подножия кап – справа Перун, слева – Велес.

– Сомневаешься, княже? – в полной тишине шёпот Славимира звучал, как удар грома.

– Нет, владыко! – Всеслав не опустил взгляда – он не лукавит перед ликами богов и перед их служителем. – Нет сомнений в душе моей.

– Воля Велеса и Перуна с тобой, Всеславе Брячиславич.

– Ведаю, владыко Славимире, – и вновь не лукавил Всеслав.

– Так чего же тебе ещё? – в шёпоте волхва ясно прорезался гнев, хотя, казалось бы – какие там оттенки можно уловить в шёпоте...

– Смутна душа моя, владыко, а отчего – не ведаю... – признался князь, на сей раз низзя взгляд – не от лукавства, от смущения.

– Волю богов яснее узнать жаждешь? – Славимир чуть приподнял бровь. – Будь по-твоему...

Бык был чёрен и огромен – холка мало не в полтора человеческих роста, ноги толщиной с доброе бревно, рога, а вернее, обрубки рогов – почти в локоть длиной. Густая грива стояла дыбом на горбу, налитые кровью глаза дико глядели опричь. Могучий подгрудок доставал до земли – воплощённая мощь.

В словенских землях бык – самый могучий зверь. Даже редкий благородный хищник барс или лесной владыка медведь не всегда и не вдруг справятся с таким вот лесным великаном. И издавна самая любезная жертва богам у русичей – бык. Перуну – рыжий, Велесу – чёрный.

А тут не просто бык – полудикий зубр.

Жертва, любезная вдвойне.

Когда-то он гулял на привольных травах кривских дебрей, был господином над целым стадом лесных коров, хозяином Леса. И только, Сильный Зверь был выше. Да ещё сам могучий Велес, Владыка Зверья.

Потом пришли ловцы. Люди нарушили тишину лесов, подняли мелкое зверьё, спугнули птиц. А ему, лесному владыке проделали в ноздри железное кольцо. Полный год держали на привязи, пока не смирился гордый нрав лесного витязя.

Бычья молодость закончилась.

Он ещё долго был после господином – теперь уже над иными коровами, над теми, что и не нюхали вольной воли, не бродили по лесным тропинкам. Эти звери жили под самой рукой человека, к которому бык тоже начинал привыкать. Но так и не привык – да и не неволили его люди особо.

Но сегодня...

То, что случилось теперь, ему не нравилось.

Ему вновь спутали рога, привязали к какому-то столбу. Снова лишили его воли. Ненавистный человеческий запах так и бил в ноздри, сводя с ума, будоража густую тёмную кровь, и бык гневно храпел, рыл землю копытом и пытался выворотить столб с привязкой.

Вкопано было крепко, но Всеслав видел – ещё немного – и бык сумеет. Вырвет столб – и тогда... у князя пробежал по спине предательский холодок постыдного страха, недостойного Велесова избранника. Воображение на миг нарисовало ему жуткое зрелище того, как чёрная глыба бешено несётся по лугу, пыша яростью, топча людей и заливая луг кровью. То-то будет жертва! Всем жертвам жертва!

Но страх сгинул так же внезапно, как и пришёл – не дело ему, полоцкому князю и избраннику самого Велеса, бояться какого-то быка. Пусть даже и необычного – огромного и сильного.

Князь быстро метнул по сторонам глазами, зацепился взглядом за Несмеяна и Витко. Ага, голубчики, вы рвались послужить князю, небось и в гридни метите...

Всеслав коротко кивнул обоим, и вои, поняв князя без слов, рывком оказались около быка. Славимир открыл было рот, чтобы что-то сказать, но не успел. Мелькнули ножи, обрезав привязку.

На поляне стало тихо, так тихо, что слышно было, как за перестрел от святилища звонко орёт на ветке ворона.

Бык рванулся, но вои вцепились в его рога, пригибая голову к земле, огромное чёрное тело налилось силой, готовое вмиг отринуть обоих воев. Всеслав встретился взглядом с налитыми кровью, огромными выпученными глазами быка, принял в себя ярость Велесова любимца, вцепился в них ответным взглядом, сделал шаг навстречь, чувствуя, как наливаются какой-то неведомой до сих пор силой руки и ноги, как мягко сминается под ногами земля, словно при поступи Святогора, каменистая почва святилища. Спину свело судорогой, глаза всё так же неотрывно глядели в глаза быка. А огромный чёрный зверь медленно двигался навстречь, волоча на своих рогах обоих Несмеяна и Витко – и шёл всё медленнее, словно идти ему было всё труднее и труднее, словно лилась из горящих синим пламенем глаз полоцкого князя некая сила.

За спиной князя встал кто-то могучий и невидимый всем остальным, но Всеслав знал – вот он, тут. Оглянись – и увидишь.

Но оглянуться было нельзя. Чуть оплошай – и бык почувствует свою силу, и твою слабость.

Бык хрипато взревел и ринулся навстречь князю.

Сошлись около самой капи Велеса, выставленной ради встречи с князем и значимой жертвы из храма на широкий двор святилища.

Бык вновь взревел, коротким движением могучей головы стяхнул с рогов воев и встретился с князем лицом к лицу.

Но было поздно.

Князем уже двигала могучая сила божества, его руками сегодня водил сам Велес. Князьи кулаки сомкнулись на рогах лесного витязя, бык рванулся, освобождая голову, попавшую в новый полон – всеу! Князь неуклонно гнул голову быка к подножию Велесова капа, и, наконец, одним рывком швырнул зверя на колени и, крутанув рога, сквозь торжествующий рёв толпы и шум крови в ушах услышал противный хруст сломанных шейных позвонков быка.

Зубр ещё не понимал, что он уже мёртв, он ещё свирепо, со свистом дышал сквозь полнящиеся пузырьчатой, кипящей кровью ноздри, ещё рыл землю копытом, цепляясь за случайную выбоину в гладко утоптанной земле двора. Но он был уже мёртв, он уже был на горбатом радужном мосту, и видел сквозь розовый туман в глазах огромную фигуру Лесного Властелина, Владыки Зверья, рогатого и закутанного в медвежью шкуру.

Князь коротким движением вырвал из ножен длинный обрядовый нож (не железный нож, кремнёвый, прадедовского обычая!) и перерезал станковую жилу быка. Кровь хлестнула к подножию капа, обагрила землю и дерево. Могучие ноги зубра подкосились, он грузно повалился и грянулся оземь – дрогнула земля, дрогнул кап. Князь едва успел отскочить, выпустив огромную бычью голову.

Не бойся, малыш, – сказал тихо Владыка, и зубр несколько раз крупно вздрогнул и затих, щедро траву поливая кровью.

Он стоял, глядя странным взглядом в огромные фиолетовые глаза, полные медленно остывающего огня и нечеловеческой злобы.

Огромная сила, данная князю на миг, уходила, оставляла его, и Всеслав даже пошатнулся на миг – таким слабым он казался сам себе теперь, после того, как Владыка Зверья оставил его. Но Он всё время был здесь, рядом, и Он не позволил князю упасть. Всеслав ясно ощутил незримую руку на своём локте и выпрямился на слабых подгибающихся ногах.

И услышал торжествующий рёв народа окрест, и птичий грай, – встревоженная птица стаями реяла над лесом, не в силах понять, с чего так орут эти двуногие. И пугала птицу огромная, надмирная сила, которая сейчас стусилась над этим лесом...

Волхв зачерпнул густую горячую бычью кровь обеими руками, и Всеслав, понимая, ЗНАЯ, что будет дальше, послушно склонил голову. Кровь потекла по лбу, по лицу, тёплыми струйками стекая по волосам и щекам.

И тогда князь, наконец, оборотился. И успел увидеть над вершинами леса полутень-полупризрак – огромное бородатое лицо, неуловимо переходящее в медвежью морду, могучие туры рога, лёгкую улыбку и одобрительный взгляд нечеловечески мудрых пронизательных глаз.

Небольшой – всего несколько сажень – двор святилища был пуст – народ толпился за оградой, не смея ступить на храмовую землю без особого дозволения. И только волхв да князь сейчас были на дворе святилища. Одни.

Волхв повёл косматой и рогатой головой – в этот миг он был как никогда похож на самого Велеса, такого, каким его резали мастера из дерева – могучий старец, воплощение звериной силы и мудрости, предвечной мощи Владыки Зверья. В его руках невесть откуда появился длинный свёрток кожи холстины.

Что это? – смятённо подумал Всеслав, но вслух спросить не успел – волхв протянул свёрток князю, легко, одной рукой – вторая занята посохом – держа на весу немаленькую тяжесть. Взгляд волхва, пронзительный и всезнающий встретился с взглядом князя. Да, княже, – молча

сказал волхв, и Всеслав – князь! – молча склонил голову перед волхвом, медленно опустился на правое колено и протянул руки, принимая дар.

Под холстиной свёртка оказалась кожа. А под кожей...

Меч!

Толпа притихла – слышен был только неумолчный птичий гомон в лесу.

Всеслав осторожно потянул из ножен меч. Тускло блестели серебро и оцел, ласкала глаз кожа ножен и перевязи. И тут же душу князя наполнило ощущение силы.

Меч был непрост.

Очень непрост.

Князь медленно поднёс нагой клинок к губам, прикоснулся к благородному бурому оцелу.

И тогда невесть откуда пришло имя. Имя меча.

РАРОГ.

В храме было полутемно. Только плясали в полумраке языки пламени – от горящих на стенах храма жагр.

– Я не совсем понимаю, владыко, – встревоженно блестя глазами, говорил князь. – Я с пятнадцати лет знал, что я избран Велесом...

– Так, – кивнул космато-рогатой головой волхв – он и до сих пор был в священном убранстве. Кажется, предстояло ещё что-то.

– Но это же меч Перуна! – выкрикнул шёпотом Всеслав.

– Ну и что? – волхв пожал плечами, рога на его голове чуть колыхнулись. – В этом мече – правда богов. И, стало быть, она – с тобой. И потом – богам виднее.

Рядом с лавкой, на которой сидели волхв и князь, стоял прислонённый к стене посох Славимира. Князь невольно остановил на нём взгляд. Дуб украшала резьба – сплетались на нём змеи, становились птицами, щерились звериные морды, там и сям пестрели священные знаки.

Древняя работа.

Очень древняя.

– Княже... – голос волхва вывел Всеслава из странного полузабытья, и князь поднял голову.

– Я готов, владыка.

– К чему? – глаза Славимира смотрели неотступно, требовали ответа, ждали.

– Ко всему, – князь ответил не менее неотступным взглядом. – Я с самого детства знаю, что избран Велесом к восстановлению веры. Теперь я вижу, что и воля Перуна – в том же.

Во взгляде волхва светилось одобрение.

3. Кривская земля. Полоцк. Весна 1064 года, травень

На Софии звенели клепала – размеренно и звонко. Князь невольно поморщился и затворил окно.

За спиной скрипнула дверь – в горницу просунул голову доверенный холоп.

– Княже...

– Чего ещё? – недовольно бросил Всеслав, теребя в руках конец пояса, хотя и так знал – чего.

– Прошают быть на службе в церкви.

– Скажи, болен, не иду, – ответил Всеслав. Можно было сказать, что службу отстоит в своей церкви, да только ведь всё равно узнают правду – поп из княжьей церкви расскажет. Да и не только поп – этот вот холоп, хоть и доверенный, а всё одно христианин. Ни на кого из них Всеславу надеяться нельзя. Ну и ладно – пора уж открыть лица.

Холоп, меж тем, всё ещё торчал в дверях, словно выжидая, что князь передумает.

– Ну, чего стал?! – рыкнул князь, свирепея, и сделал себе на памяти верную зарубку – завтра же избавиться и от этого холопа, и от остальных христиан в терему. Да и в Детинце тоже пора бы. Пора уже поменять теремную службу, разогнать эту христианскую братию подальше. Сначала жалко было – отцу верно служили, обижать людей не хотелось, потом привык. Но сейчас, когда пресвитер уже пять раз назойливо напомнил про пропущенные князем службы – это Авраамий-то, истинный христианин, который и приверженность князя к старой вере искренне почитал только своей виной! Когда затеваются большие дела и зреют большие замыслы, терпеть из жалости наушников в терему не стоит – может большой кровью оборотиться. Там, на посадах, в Окольном городе, да в Старом городе если и есть они где, так мало... пусть их. А кривские бояре... средь них теперь мало христиан, да и те утрутся и промолчат, им их бог велел терпеть и подставить правую щеку после левой.

Дверь вновь скрипнула. Всеслав оборотился с немалой злобой, но тут же обуздал себя – пришла княгиня.

– Сколько раз говорил холопам – дверь смазать, – процедил он. – Бездельники. Дармоеды.

– Опять буянишь, ладо? – Бранимира подошла вплотную, провела ладонью по волосам князя, чуть дёрнула за длинную прядь – Всеслав не брил головы и подбородка по примеру воев, не жертвовал волос Перуну. Велесову потомку это не к лицу.

Всеслав по-прежнему раздражённо дёрнул плечами, освободил волосы из рук жены.

– Р-разгони всех... – бормотнул он, невольно остывая. – Наушники.

– Грозен ты, княже, как я погляжу, – княгиня улыбнулась. – И куда денешь?

– Пусть к епископу в прислугу идут, – махнул рукой Всеслав.

Княгиня звонко расхохоталась – она и до сих пор, на четвёртом десятке, сохранила весёлый нрав.

– Войну затеваешь, Всеславе? – внезапно спросила она, положила руку ему на плечо. Князь невольно вздрогнул, поднял на неё удивлённые глаза.

– Ты... откуда знаешь?..

Бранимира усмехнулась, села на высокий подлокотник кресла, прижалась к мужеву плечу.

– Забыл, княже, кто я такова?..

Нет, он не забыл.

– Слухи и до меня донеслись, – Бранимира улыбалась. – Негоже тебе, ладо, таиться от меня. Вон правильно христиане говорят – муж и жена да будут единая плоть.

Всеслав криво усмехнулся:

– Они ещё говорят – жена да убоится мужа своего.

– Не дождутся! – княгиня гордо вздёрнула подбородок.

– Вот так-то лучше, – засмеялся Всеслав. – А то я уж подумал: ну, если и жена моя христианские речи повторять взялась, так надо мне оружие складывать да обратно кресту кланяться.

Княгиня засмеялась:

– Не приведи, Мокоше.

На том разговор и закончился.

Да, Бранюшка, затеваю я новую войну! – горько бросил про себя князь. И не с иноплеменниками войну, со своими, русичами, мало того – кривичами единокровными! А и как иначе?!

Когда-то давно, как только взял в кривской земле отец Всеславль, Брячислав-князь, решил он восстановить разрушенный Владимиром прадедов город. Обновлённая, отстроенная заново Брячиславом кривская столица разрасталась, народ в Полоцк притекал медленно, но верно. Слух про веротерпимого полоцкого князя разнёсся далеко по всей Руси, и народ бежал из-под руки Ярослава киевского в кривскую землю, чая здесь найти прибежище, где

никто не помешает молиться русским богам. Полоцк богател на торговле с варягами и урманами – по Двине с Варяжского моря прямой путь к Днепру.

Обновления город требовал и по иной причине – Брячиславу хотелось городовым строительством показать, что его стольный город не ниже Киева или Новгорода, так же богат и красив, так же достоин стать стольным городом. Тогда и предложил ему епископ Мина, присланный из Киева самим митрополитом грек, построить каменный собор. Софийский. Стойко Киеву и Новгороду, где Ярослав только-только построил такие же точно соборы. Стойко самому Царьграду, наконец!

Князь подумал и согласился.

Каменный собор, всего третий на Руси, будет зримо воплощать мощь и богатство полоцкой земли, а имя собора лучше прочих иных слов скажет о князем достоинстве полоцких Изяславичей. Разумный поймёт!

Артель царьградских каменных мастеров трудилась без устали, но строительство шло долго – попробуй-ка в лесной да болотистой кривской земле найди потребное количество камня, да подвези его к Полоцку. А после смерти Брячиславлей строительство замедлилось (Всеславу того было не надобно, он просто не хотел раньше времени своего отношения к кресту выказывать), невзирая на то, что и достраивать оставалось – чуть. Потому и достроили собор недавно, всего лет пять тому, а освятили и вовсе только год спустя после окончания строительства. Службы в нём велись, да только Всеслав бывал на них редко. А теперь и вовсе решился отбросить скуру, показать истинное лицо. Глядишь, и будет высящаяся над городом каменная громада служить прибежищем воронья да диких голубей – пусть погоняет их пресвитер Анфимий.

А дальше постройки собора и не продвинулось дело у Мины и Анфимия – не спешили кривичи креститься. Даже и полочане, стольного города жители и то крещены были не все. А и кто крещён, так те, как и деды и прадеды, домовым да лешим требы кладут, а в церкви помолясь, домовым чурам плошку с молоком и краюху хлеба ставят.

Когда же вздумал епископ Мина князю попенять, Брячислав заявил прямо:

– Ты вот речёшь, что бог есть любовь – так и учи по любви! А нечего чужими мечами размахивать.

И дело веры Христовой в Полоцке остановилось.

На Полоцк спускался вечер.

Зажглись огни в разноцветных слюдяных окнах княжьего терема. Тускло светили лучины в затянутых бычьим пузырём волоковых окошках градских простолюдинов. Стучал колотушки ночных сторожей, шла по улицам в неверном рваном свете жагр, звякая доспехами, городовая стража.

Зажёгся свет в окнах терема епископа Мины и в избе пресвитера Анфимия, у самого собора, у княжьего подворья.

Епископ несколько времени стоял на крыльце, глядя на вечерний город, вздохнул, и ушёл в сени, медленно и бесшумно затворив за собой дверь. Задвинул засов, вернулся в жило, полетнему душное, поморщился, рывком поднял оконную раму. Сквозняк качнул язычки пламени на лучинах и свечах, взмахнул занавесью.

Спать не хотелось.

Мина подошёл к полке, посветил свечой. Багровое пляшущее пламя отразилось в посеребрённых буквах на переплётах книг. Епископ вытянул пухлую книгу, сшитую из листов бересты. Молча сел за стол, открыл книгу, вздохнул – тщетное мечтание найти в книге ответ на то, на что ответ нужно искать в человеческих душах.

От княжьего терема в отверстие окно донеслись голоса – князь Всеслав пировал с дружиной.

Епископ несколько мгновений сидел, вслушиваясь, лицо его медленно омрачалось.

Князь – язычник!

Епископ давно питал в отношении князя стойкие подозрения в его язычестве.

Но Мина молчал.

Пока молчал.

Да и что теперь?

В Киев писать, митрополиту? Жаловаться на главу земли здешней, писать, что новый Юлиан Отступник созревает здесь?

Так был уж на Руси новый Юлиан Отступник. Святополк Ярополчич Окаянный.

Да и негоже священнику, Христову служителю доносами заниматься. Твоё упущение, тебе и исправлять.

Исправлять?

Тот Юлиан, настоящий, что в Риме был... он ведь покаялся после, понял, что неправ был...

Ты победил, Галилеянин!

– Господи! – прошептал священник страстно, падая перед иконами на колени. – Помогите мне, господи! Наставь на путь истинный! Моя это вина, не смог отворотить отрока от искушения бесовского!

Господь не отвечал.

Над Полоцком плыл вечер.

А наутро...

– И что же, княже, мыслишь, от веры христианской всю жизнь бегать?! – горько и яростно говорил епископ.

Князь вдруг встретил яростный, полный боли и страдания – и гнева, да! – взгляд пресвитера Анфимия – старший священник Святой Софии тоже счёл нужным присутствовать при разговоре Мины с князем.

– Всю жизнь мыслишь несмысленным да негласным резным деревяшкам поклоняться?! – взлетевший яростно голос епископа вынудил Всеслава вздрогнуть.

На челюсти князя вмиг взбухли желваки, взгляд священника чуть дрогнул, но не отступил – крепко духом епископ Мина!

– Больно вы скоры, христиане, веру чужую оскорблять, – тяжело сказал Всеслав Брячиславич, наливаясь багровой яростью.

– И тем не менее, ты им поклоняешься, княже, – холодно ответил епископ, чуть кривя в едва заметной усмешке уголок рта.

– Это вы, рабы божьи, своему богу поклоняетесь, – хмыкнул князь, обуздав гнев и надавливая голосом на слово «рабы». – А мы своих богов почитаем.

– Не богов, а деревянные резные! – вновь бросил Мина высокомерно.

Епископ нарывался. Сузив глаза, Всеслав несколько мгновений разглядывал священника, внезапно поняв, чего тот добивается – вызвать гнев князя. Истинный гнев владыки, от которого, даже не высказанного вслух, порой лопаются слюдяные переплёты окон, гнётся серебряная посуда, сами собой выскакивают из ножен мечи. И погинуть за свою веру, стать новым мучеником.

И создать христианам повод для немедленной священной войны.

Ну-ну...

Зря стараешься, епископ. Зря стараешься, грек.

Повод для войны киевские Ярославичи и без тебя найдут.

А мученика я им не дам.

Однако же оскорбление богов прощать тоже нельзя.

– Не вижу, кир Мина, чем ваши раскрашенные доски лучше наших резных капей...

И проняло епископа.

– Ты! – голос священника взлетел и сорвался. И – в крик! с пеной в уголках рта! с безумием в побелелых глазах! – Язычник! Невеглас! Святые божьи лики! Окна в инобытие! К нечестивым идолам приравнять! Прокляну!

Князь даже залюбовался, настолько жуток был в своём безумном гневе христианский святитель.

Дал прокричаться.

Выждал, пока Мина смолкнет.

А потом сгрёб за отвороты, притянул ближе к себе и гневно выдохнул прямо в безумные глаза, в источающий бешеный хрип рот:

– Не нравится?! когда твою веру оскорбляют?! А?!

Мина глядел теперь уже почти со страхом, созерцая истинный лик полоцкого оборотня, проклятого богом язычника, потомка бешеной Рогнеды-Гориславы. Епископ зримо ощутил вдруг на себе взгляд кого-то страшного огромного и могущественного, глядящего на него прямо из глаз князя. И почти что ждал, что Всеслав сейчас обернётся волком альбо медведем, готовил себя к мучительной смерти в звериных клыках и когтях.

– Вот и мне – не нравится! – уже стихая, рыкнул Всеслав.

Оттолкнул, почти отшвырнул от себя золоторизника – худое тело бессильно упало в кресло.

– Да воскреснет бог... – хрипло откашлялся Мина, – и да расточатся вороги его...

Князь так же хрипло рассмеялся.

– Несмеян! Витко!

Дверь отворилась мгновенно – ближние вои Всеславы стояли прямо в сенях. Небось, и слышали всё, – подумал князь мельком. Глянул на их готовно-довольные рожи, усмехнулся – эти за своего князя в огонь и воду готовы... Хоть он оборотень будь, хоть кто.

– Епископ Мина уезжает! Далеко! Готов ли возок?!

– Готов, княже! – коротко ответил Несмеян, сжав зубы и сверля Мину взглядом.

– Проводите его!

С порога епископ оборотился, задержал шаг.

– Проклинаю, отступник!

– Ничего, обсохну, – усмехнулся князь под восхищёнными взглядами дружины. Им на такое отважиться было бы трудно – проклятие служителя бога, хоть и чужого – не шутка. А он князь, владыка, предстатель всей кривской земли перед богами... ему и чужого бога бояться не пристало, с ним благословение своих богов.

Мина ушёл, ушёл за ним и пресвитер, вышел за дверь Витко, только Несмеян задержался на пороге, глянув на князя с коротким, но внятным вопросом – не следует ли, мол?... Князь чуть заметно качнул головой.

Пусть живёт епископ. Пусть едет в Киев, жалуется на него хоть великому князю, хоть митрополиту... хоть в Царьград едет, самому патриарху жалиться... Ну да, это война, конечно, война...

Ну а иначе – как?

Вот Несмеян готов был презреть вослед своему князю волю чужого бога и даже пролить кровь его служителя... но это тоже война.

Жизнь епископа тут ничего не решает.

Война неизбежна.

4. Червонная Русь. Волынь. Гора Богит. Весна 1064 года, травень

Пять всадников остановились у опушки леса. Солнце жгло, из леса тянуло горячей смолой, от Збруча – сыростью и прохладой. Кони фыркали, косились в чащу, туда, где в сумраке, прячется неведомая опасность – шептала им многовековая память. Всадники тоже озирались: кто – с любопытством, кто – настороженно, а кто и со страхом. Про Чёртов лес ходили странные и страшные слухи не только во Владимире или Червене – по всей Волыни и Червонной Руси: передавали с оглядкой рассказы про оборотней, про заблудные поляны, про леших и диких, заросших шерстью людей. И про человеческие требы, промеж того...

Наконец, передний, молодой ещё парень, богато одетый, решительно разомкнул губы:

– Всё. Дальше я пойду один.

– Кня... – неосмотрительно заикнулся ближайший вой, но молодой резко оборотился и одним взглядом зелёных глаз заставил его умолкнуть.

– Я сказал – всё! – бросил не терпящим возражений голосом волынский князь Ростислав Владимирич, перекинул ногу через переднюю луку седла, соскользнул наземь и, не оглядываясь, зашагал по едва заметной тропке вдоль опушки. Вой переглянулись и тоже принялись спешиваться и вязать коней – ждать предстояло долго.

От опушки падала тень, пока ещё короткая, – это к вечеру она вытянется, досягая до самого берега реки. Тропинка тянулась вдоль чапыжника, липла к самой опушке, скоро пошла в гору. Это и была гора Богит, – Ростислав невольно вспомнил, как издали видная лесистая вершина курилась дымами. Народу тут должно быть много, вот только чего-то не видно никого.

Ростислав огляделся – он стоял на самой вершине горы, и видно было далеко посторонь. Широкими коврами стелились леса, перемежаемые редкими полосками рощистей. На востоке серебрилась у самого окоёма узкая ленточка реки – это Збруч. Князю даже показалось на миг, что он различает в медленно начавших густеть вечерних сумерках тоненькую струйку дыма от разведённого Славятой и воями костра. На западе багровела от закатных солнечных лучей ещё одна река – Серет.

В душе помимо изумления вмиг проросло злорадство, недостойное христианина – ан не смогли попы да монахи добраться до сердца древней веры!

Над воротами святилища скалился в сторону леса догола объединённый вороньём медвежий череп. Ростиславу вмиг стало неуютно. Добро хоть не человеческий, – поёжился он. Но не пристало князю бояться мёртвой звериной кости, и Ростислав решительно стукнул в ворота кулаком.

Глухо взлаяли псы, от ограды навстречь князю уже бежали двое с короткими копьями наперевес. Первый коротко и как-то по-особому свистнул, псы умолкли. А вот с людьми было сложнее – они остановились, держа рогатины нацеленными на князя.

– Охолонь! – послышалось от тына негромко, но властно, и рогатины враз опустились. По склону пригорка неспешно спускался высокий седой старик в длинном белом плаще. Князь глянул в его сторону и невольно опустил глаза. Волхв, не иначе. У тех двоих подбородки и головы выбриты наголо, только на темени длинная прядь волос, как у язычников водится. Вой, да ещё и непростого рода! А старик – с длинными волосами и бородаг. Вестимо, волхв.

– Владыко... – начал было один из воев, но волхв остановил его одним движением ладони:

– Я его ждал, – сказал он всё тем же властным голосом. Движением руки позвал за собой князя и молча пошёл обратно, к воротам капища.

В очаге горел, приплясывая, огонь, жадно лизал огромные толстые поленья. Шипели и вспыхивали капельки жира, стекая в огонь с кусков мяса, насаженных на вертел. В полумраке покоя отблески огня недобро вспыхивали в багровом вине, в разноцветных кусках слюды в окнах терема и в сощуренных глазах волхва, когда тот пронзительно взглядывал в сторону князя.

– Зови меня Велигоем, – негромко проговорил волхв, разливая по чашам вино. Князь отхлебнул глоток и подивился – откуда они, язычники, в чаше сущие, могут такое вино доставать? Вслух же спросил:

– А по отчеству?

– Зачем тебе? – недоумённо спросил волхв, и сразу же ответил, не дожидаясь княжьих слов. – Кариславичем кличут.

– Княжье отчество, – не сдержался Ростислав.

– И что с того? – насмешливо бросил волхв, приподымая косматую бровь. – Аль зазорно? Князю-то?

– Уж не хочешь ли ты сказать, что ты княжьего роду? – высокомерно спросил волынский князь, надменно приподымая голову.

– А ты что, Ростислав Владимирич, всех старых князей счёл? – вкрадчиво процедил волхв, сжимая в руке чашу – казалось, узорное серебро сейчас не выдержит и скомкается в тонких пальцах.

Князь прикусил губу. А ведь и верно – кто ж их считал, старых-то князей? Кто их ныне помнит? Всё может быть. Чтобы отрешиться, снять трудноту, спросил всё ж про вино – отколь, мол? Волхв вновь криво усмехнулся, и здесь найдя повод для издевки.

– Мыслишь, мы люди дикие, раз не христиане? Живём в лесу, молимся колесу?

Ростислав Владимирич смолчал. А волхв не стал:

– Ты как дорогу сюда нашёл, княже?

– Приехал в капище у Владимира... – князь осёкся, а Велигой довольно расхмылил:

– Вот именно, княже, вот именно, – он помолчал несколько мгновений. – Вас, христиан, горсть на Руси и доселе. Истинных-то христиан. А такие, как ты, как бояре твои, купцы там, посадский люд... какие вы христиане? В церкви Христу помолясь, в угол домовому чашку с молоком ставите, рядом с крестами коловраты да громовые колёса носите. Нет?

Князь молчал. Возразить было нечего – у самого на пальце перстень с коловратом.

– А в деревнях христианством вашим и вовсе не пахнет, – довершил волхв торжествуя. – Доселе капи на жальниках стоят за каждой околицей.

Князь молчал. На Руси и впрямь за неполных восемьдесят лет христианство сумело продвинуться не дальше городских посадов, да и там было непрочное. Пора ратных сшибок меж язычниками и христианами и кровавых одолений неуклонно уходила в прошлое, но и у той, и у другой стороны ещё хватало сил, чтобы одолеть открыто.

– Молчишь? – вновь сузил глаза волхв.

– Я не про то пришёл говорить, – бросил князь.

– Я знаю, почто ты пришёл, Ростислав Владимирич, – сказал Велигой, щурясь на огонь. – О судьбе своей жребий кинуть...

– Вестимо, – согласился Ростислав.

Волхв снова глянул на князя – теперь в его глазах читалось неложное любопытство, – но смолчал. Князь и сам скажет, что ему надо.

Рваные ключья огня разгоняли пугливую темноту, отрывались от костра и улетали ввысь, к звёздному небу. Волхв сидел почти недвижно, изредка подбрасывая в огонь сухую ветку и снова замирая.

Наутро князь встретил волхва встревожено-жадным взглядом воспалённых глаз – никак тож всю ночь не спал! – подивился Велигой. И на немой вопрос Ростислава только качнул головой:

– Не спеши, княже. Так быстро всё не решить.

Двое хмурых парней отволочили ворота храма, и волхв направился внутрь, неприветливо кивнув князю – ступай, мол, за мной. Ростислав, чуть похолодев, ступил за порог – он впервой был в языческом храме. Своды терялись где-то в полумраке, а по сторонам проступали суровые лики древних богов. Ростислава невольно охватила лёгкая оторопь, смешанная со страхом – в языческом храме всё оказалось не менее величественным, чем в православном, только как-то иначе, само величие было каким-то иным. Здесь всё дышало тайной, древностью, каким-то непередаваемым величием.

Вот бы показать это епископу, – мелькнула шальная мысль. – Ведь волынские-то попы как рекут – язычники-де живут в лесу, молятся колесу, какие там храмы...

Волхв оборотился к князю, глянул бедово и холодно, словно мысли прочитал, и Ростислав вдруг на миг ужаснулся – а ну как!.. один среди язычников!.. Ведь что может быть угоднее в жертву, чем князь иной, враждебной, веры?

– Не пугайся, князь, – вновь словно угадал его мысли волхв и вдругорядь испугал князя. – Жертву мы ныне принесём, но вестимо, не человекью.

– А почто? – дерзко спросил князь, осмелев.

– А ещё у богов совета спросить пришёл, – волхв снова глянул всё так же холодно и даже с лёгким презрением. – Человека в жертву приносят только при большой беде или в чаянии большой победы.

– И не жалко?

– Чего – не жалко? – не понял Велигой. – Человека-то? Так он же сам! Альбо там на войне – так то ворог. Чего ж жалеть-то – он же враз в вырий попадёт, возлюбленным воем у Перуна станет.

Пока говорили, подошли к одному из идолов.

Перун? Князь кинул взгляд на резное деревянное изваяние. Голая голова с длинным чупруном на темени, усы подковой, жёсткая складка у рта, тяжёлы подбородок, хмурые брови над глубоко запавшими глазами и горбатым носом. Перун, кто ж ещё...

Волхв поглядел на князя требовательно и строго.

– Пожертвуй богу что-нибудь самое дорогое для тебя. Из того, что у тебя с собой есть.

А что есть самого дорогого у князя-изгоя? Ростислав поколебался несколько мгновений, потом решительно рванул пряжку на груди, сбросил ножны с мечом. Обнажил клинок.

– Нет у меня ничего дороже тебя, – прошептал он, касаясь дола меча кончиками пальцев. – Прости, друже...

Велигой одобрительно кивнул – догадался князь.

– Возьми узду... – обронил волхв коротко. Они уже снова были в храме. У ног Перуна, которые как-то незаметно сливались с дубовым столбом – кап словно выросал из дерева – лежала уздечка, отделанная изузоренным серебром. Была ли она до сих пор или нет – князь не мог бы сказать уверенно даже сам наедине с собой. Дорогая работа, и каждый узор наверняка что-то значит – не всем дано ведать древние резы и письмена, только волхвам. Даже князь знал только некоторые из них.

Ростислав невольно поднял глаза, встретился взглядом с глазами Перуна – на гранях рубинов дробились отсветы огня на жаграх. В душу вдруг вступило что-то могучее, что-то неведомое до сих пор распахнулось перед князем, он ощутил в себе силу и уверенность.

Присутствие чего-то неведомого, непознаваемого, тут же сгнуло, оставив ощущение силы.

Уздечка оказалась довольно тяжёлой – взнудать придётся сегодня отнюдь не простого коня.

Волхв усмехнулся – а не побоялся князь взять в руки языческий оберег... добрый князь.

Впрочем, обуздывать коня Ростислава не допустили – Велигой взялся сделать это сам.

– Тебя, княже, он к себе и не подпустит, уж не посетуй, – сказал волхв, и князь отступил со странным, смешанным чувством облегчения и разочарования.

Вскоре коня вывели, и Ростислав восхищённо присел. Вороной жеребец, истинный Перунов скакун (только крыльев не хватает!), чёрный, как смоль, без единого белого пятнышка, танцевал на тонких длинных ногах, норовисто бил по земле некованым копытом, тряс гривой, горделиво выгибал шею и свирепо косил налитым кровью круглым глазом. Видно было, что этот конь никогда не носил на себе седока. Никого из людей.

Ростислав безбоязненно протянул коню ломоть хлеба, посыпанный крупной солью – любил коней. Жеребец недоверчиво покосился, фыркнул, но руки не укусил и хлеб принял, щекотнув княжью ладонь жёсткими волосками на мягких бархатных губах и тёплым дыханием. Князь взялся за уздечку. Трое младших волхвов уже уложили коню под ноги короткие тяжёлые копыя, и все затаили дыхание.

Первое копьё конь переступил легко и уверенно. И тут князь вдруг осознал, что делает что-то не то. Он! крещёный православный князь! ведёт на языческой требе Перунова коня!

Жеребец вмиг почуял его колебания, гневно захрапел, и заплясал, задирая голову. Но всё ж пошёл за уздой и переступил второе копьё, с каким-то колебанием. Косил на князя налитым кровью взглядом, но – шёл. А потом – упёрся.

Косился по сторонам, фыркал – ни дать, ни взять, волка почуял. Гневно захрапел и заплясал, задирая голову. Наконец, дал всё же себя понудить, шагнул... споткнулся о копыя и мало не упал на колени. Все дружно ахнули, конь испуганно прынул, вырвал узду из рук князя. Но его никто не ловил. Волхвы дружно кинулись разглядывать след. Велигой несколько мгновений глядел на следы конских копыт с обеих сторон от копыя – правым копытом конь переступил, а левым – недошагнул. Наконец, волхв поднял голову, встретился глазами с вопрошающе-испуганным взглядом князя и мрачно кивнул.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАПАХ ВОЙНЫ

1. Русская земля. Река Рось. Лето 1064 года, изок

Рось переплыли, не слезая с сёдел. В верхнем течении, там, где она летом на бродах едва по брюхо коню. Но сейчас бродов не искали – было не до того. Да и незачем, коль кони привычны.

Степной берег Роси не сильно отличался от лесного – те же балки и перелески, густые светлые сосновые боры и тёмные ельники, те же, только большие, поросшие вереском и ковылём пустоши. Дальше, к полудню, простора больше, там настоящая Степь. Там и ковыли, там и раздолье.

Там и половцы.

Новые степняки, пришедшие девять лет тому откуда-то с восхода, из-за Дона и Волги, пока что вели себя в степи тихо, если не считать трёхлетней давности вторжения в земли Всеволода Ярославича. Путь через Дикое поле пока был открыт для всех, на что в большой степени и рассчитывал князь Ростислав.

Хотя, впрочем, и не только на это.

Часть дружины, три сотни на семи лодьях ушли вниз по Днестру, к Дунаю и Русскому морю¹⁰ – обогнув с полудня Тавриду, они должны подойти в Корчев в одно время с ними, конной дружиной. А Ростислав к тому времени пройдёт через Дикое поле, через Донец и Дон, мимо Белой Вежи и Лукоморья.

На словах выходило красиво, как оно на деле выйдет?

Неизвестно.

Смеркалось.

Дружина шла вдоль Роси на восход целый день, но приходило время отворачивать в Степь – до самой Родни тянуть не следовало. Ростислав Владимирич изредка устало оглядывался по сторонам. Лесостепь, перемежаемая холмами и перелесками, окружала их со всех сторон, на полдень распахинаясь в широкий простор.

Налитое огнём солнце клонилось к окоёму, уже касаясь его одним краем. И князь, и Славята уже несколько раз оглядывали степь в поисках подходящего ночлега – не спать же на земле посреди открытого поля.

Наконец, у окоёма показался невысокий, поросший березняком курган. Солнце уже едва выглядывало из-за днепровских круч, когда дружина, наконец, добралась до кургана. Вой успели до темноты собрать немного сушняка и полыни и сложить их в костры, когда тьма сгустилась, и тени подступили со всех сторон.

Заруба ударил огнём по кремню, брызнули искры. Затеппился огонёк на стебельках полыни, жадно охватил весь пучок, пламя лизало ветки сушняка. Костры разгорались, отгоняя навязчивую темноту. Где-то далеко в степи завыл волк, к нему присоединился второй, третий, но вой оставил это без внимания, – многолюдству в эту пору волки в степи не страшны, – им и без того добычи хватает.

Костры развели в нескольких найденных поблизости от кургана ямах – да не увидит никто со стороны. Опасаться приходилось всего – а ну как поймёт великий князь Изяслав Ярославич, что задумал его дерзкий и беспокойный сыновец. Или может уже и донёс кто – доброхотов великого князя на Волыни и даже при дворе самого Ростислава Владимирича хва-

¹⁰ Русское море – древнерусское название Чёрного моря.

тало. Достало бы только двинуть на полдень дружину, чтобы перехватить волынцев в устье Роси. А с полудня тем же часом подойдёт переяславская дружина – и всё! Прощай и мечты о Великой Тьмуторокани, и сам престол волынский. Будешь при дворе дядином жизнь коротать, словно заложник. Да и сыновей твоих то же самое ждёт – будут воспитанниками-вязнями, как вон Давыдка да Всеволод, братья двоюродные, дети дяди Игоря, бывшего смоленского князя. И добро коль так, а то посадят в поруб, как дед Судислава Ольговича посадил и будешь каждому случайному солнечному лучику радоваться.

Князь горько усмехнулся, поворачивая над углями нарезанное ломтиками вяленое мясо, насаженное на наскоро ошкуренный берёзовый прутик вперемешку с кусками лепёшки.

Огляделся и замер.

В нескольких саженях от их нечаянного приюта, на самой верхушке кургана в темноте белел камень. Ростислав прищурился – у камня была слишком правильная, явно рукотворная форма. Князь встал, всё ещё раздумывая, медленно подошёл, и тут же убедился в правильности своей догадки. По поверхности камня неровными строчками были рассыпаны какие-то знаки, выбитые явно человеческой рукой.

Ростислав, вестимо, был грамотен, ведал и Константинову грамоту, которой писали все книжники Руси и словенских стран, и старую Фергалову глаголицу. Костёр давал вдосталь света, но князь ничего не смог понять. Не осилил грамоты. Должно, не русская, или чересчур древняя, решил он, вспомнив слышанные от кого-то слова про языческие «черты и резы», и отступился. И почти тут же вспомнил, где он видел похожие письмена – на горе Богит, у волхва Велигоя Кариславича. На подножиях языческих капей. Тогда особого внимания не обратил, а вот на тебе – запомнилось же всё-таки.

Что ж выходит? Курган – чья-то могила? Языческих времён ещё?

Ничего особенного при этой мысли князь не испытал. Ну и могила, ну и что? Здесь, в этих краях, каждый второй курган – могила, и все о том ведают. А каждый первый – тоже могила, только о том никто не знает.

Кто он был? Князь? Боярин?

Курган невелик. Может, и боярин. Но опять же, – может, он слишком древний, потому и осел. Тогда, возможно, и княжеский.

От костров запахло одуряющее-пряным запахом жареного мяса, раздались призывные возгласы воев, и Ростислав воротился назад, без сожалений оставив камень.

Сняв с огня прутик, князь бросил в огонь по кусочку хлеба и мяса:

– Тебе, неведомый... кто бы ты ни был. Порадей вместе с нами за нашу удачу, чтоб не зазря мы шли в Степь.

Быстро покончили со скудным ужином. Заруба подбросил в костер остатки дров. Вой укладывались на грубые постели – конские попоны, сёдла в изголовье – стойно дремлету прапрадеду Святославу Игоревичу. Сон навалился тяжёлой каменной глыбой, сквозь которую Ростислав Владимирич ещё некоторое время слышал голос Славяты, расставлявшего сторожу опричь кургана – сторожиться было надо, что от половцев альбо ещё каких степняков, что от киян.

Князь проснулся неожиданно, словно от толчка, сел и огляделся по сторонам. Что-то случилось? Или просто случайная ночная тревога?

Вокруг царила тихая степная ночь, костры, потрескивая, догорали, где-то далеко в степи выли волки, яркие белые звёзды мигали с чёрного неба, словно подбадривая – не бойся, мы тут. Маячили опричь костров закутанные в плащи дозорные. Но что-то всё-таки было не так, – Ростислава не оставляло ощущение того, что он проснулся не сам, что его разбудили.

У кострища вился лёгкий сгусток тумана, больше похожий на тонкую струйку дыма. Князь остановил на ней взгляд, и она тут же зримо уплотнилась, стала шире, гуще и темнее, обрела светло-зелёный цвет, в ней проглянули черты человека. Голова в чешуйчатом шеломе,

длинные русые волосы, густые длинные усы и бритый подбородок. Глаза в глубоких ямах глазных впадин светились тёмно-синим огнём. Остальное терялось, расплывалось. Впечатление было такое, будто призрак выглядывал из ямы в земле.

Да ведь так оно и есть! Он глядит, выглядывая из своей собственной могилы!

Вдоль хребта князя пробежала тонкая струйка холода. Он шевельнулся, и призрак покачал головой – не шуми, мол. Ростислав согласно кивнул головой – не буду. Всё одно от шума особого толку не будет.

Призрак приглашающе кивнул головой. Князь поднялся, сам не понимая, что это с ним такое. Шаг, два... Земля вдруг словно разверзлась под ногами, Ростислав Владимирович ухнул в яму, едва сдержался, чтоб не заорать. Что-то твёрдо ударило под ноги, падение прекратилось. Князь огляделся.

Темно не было. Четвероугольная яма с бревенчатыми стенами, тускло светящимися всё тем же зеленоватым светом. Человеческие и конские костяки, золотые и серебряные украшения, оружие, посуда.

Из угла, рыча, метнулось что-то непонятное – князь успел увидеть только огромную оскаленную морду, схожую одновременно и с волком, и с кабаном. Ростислав чуть вспянул, но хозяин могилы взмахнул рукой:

– Прочь! – голос раскатисто рокотал, отдавая какой-то бархатной глухотой. В хозяина такого голоса бабы влюбиться должны, даже его не видя, – подумал Ростислав мельком.

Неведомый зверь (или не зверь?) отскочил в сторону, порывав для порядка, и вновь скрылся в углу.

Князь присмотрелся к хозяину, который, как выяснилось, умел говорить. Тот был в длинном чешуйчатом панцире без рукавов, добротных вышитых постолах, оплетённых ремнями до колен.

– Да вот таков я, – усмехнулся тот, заметив взгляд князя. – Не ждал?

Ростислав смутился.

– Да я сам не ждал, если честно, – вздохнул тот. – Давно по мне тризны не справляли, лет семьсот уже как. Первую сотню лет меня ещё помнили, а потом... Благодарю тебя, княже.

Слова его звучали не всегда понятно, но общий смысл речи князь угадывал.

– Как прознал, что я князь? – не нашёл ничего умнее спросить он, словно именно это и было сейчас самым важным. Призрак в ответ только повёл плечом, словно бы говоря – какая разница. И впрямь – какая разница? Той стороне многое открыто.

– Я позвал тебя, чтобы отблагодарить за неожиданное уважение, – призрак сверкнул глазами. – Возьми себе отсюда, что хочешь.

Князь затаил дыхание. Вестимо, слышал он уже такие басни. Возьми, пожалуй, так и сам навечно под землёй останешься. А чудище в углу, меж тем, вновь зарычало, – можно подумать, ему не понравилась сама мысль о подарке.

– А это... – Ростислав кивнул в его сторону. – Сторож?

– Сторож, – вздохнул призрак. – Меня хоронили всем племенем...

Он вдруг взглянул на князя как-то по-особенному, и могила исчезла. Вокруг вновь была ночная задымленная степь. Ржали кони, кричали убиваемые рабы... выли бабы и собаки, пьяно орали вои. Полыхало до небес пламя погребального костра, грохотали копыта по чугуно-твёрдой, пахнущей полыньёю степи...

Наваждение вдруг исчезло, и Ростислав опять оказался внутри могилы. Призрак по-прежнему безотрывно глядел на него, князя била лёгкая дрожь.

– Ведуны поймали какую-то тварь из Чернобоговой челяди, мелкую, но опасную. Заговорили, приковали к гробнице. И похоронили.

– Кто ты был-то? – неожиданно вырвалось у Ростислава, и он прикусил язык.

Призрак не рассердился.

– Был я, человеке, князь Бож, сын Володаря. Слышал ли про такого? Многие народы склонились перед копьём моим, ниже и сами готы Винитариевы одолеть моих полков не могли. А вот с изменой не справился. И ты измены стерегись, княже, – в голосе призрака звучала горечь и тоска по давно отгремевшим временам. И гордость за свою славу.

Князь ошалело помотал головой.

Призрак покивал головой, взглянул по-прежнему:

– Надумал ли?

– Да нет... – растерянно сказал Ростислав Владимирович. – Я ведь не ради награды... Так. Всем нам когда-то под камнем в кургане лежать...

– Ладно, – вздохнул призрак. – Всё боишься. Я тебе сам подарок подарю, раз выбрать боишься. Подарок этот со мной прошёл и огонь, и воду, и медные трубы, и каменные стены. Равно как и деревянные. Ты вой, тебе этот дар сгодится. Спи. И просыпайся.

Сон опять навалился. Ноги подкосились. Вот мне и конец, – успел подумать князь. – Так и останусь здесь.

Хотел закричать, позвать дружину на помощь, но тяжёлая дремота связала не только руки и ноги, но и рот немотой замкнула.

И почти сразу же проснулся.

Над туманной летней степью победно вставал рассвет, окрашивая ещё тёмный окоём в розово-голубоватый цвет.

Приснится же, – подумал Ростислав, садясь. Под руку попало что-то твёрдое, князь глянул и ошалело заморгал. Рядом с правой рукой в траве лежал меч.

Меч и вправду был знатным. Длинный, в пять пядей, клинок был словно сплетён из льди-сто блестящих серых и бурых извилистых полос. Оцел бесскверной выделки, с незнакомым знаменом – два скрещённых клинка, а поверх – змеиная голова. Точёная медная крестовина с серебряным узором; изузоренные, рыбьего зуба, щёчки рукояти непривычных очертаний. Витое навершие рукояти переходило в литую голову змеи, – в глазницах поблёскивали настоящие яхонты, а зубы – опять же рыбий зуб. Меч стоил не менее стада коров, а то и поболее – пары людей с хлебом. Княжий меч, воистину княжий.

Лёгким шелестящим шёпотом неведомо откуда пришло назвище – Змиулан.

Дружинные вои, тоже уже проснувшись, молча столпились опричь князя – да и что говорить-то. Обычное дело – почтил господин древнюю могилу, вот и получил за то от древнего витязя отдарок. Хоть и говорят, что времена басен и кошун миновали, а выходит, не совсем – есть ещё чудеса в мире.

2. Дикое Поле. Устье Северского Донца.

Лето 1064 года, изок

В темноте фыркали кони, хрустели ломкой, почти уже осенней травой. От Донца тянуло холодом. Шепель поёжился, натягивая на плечи старый отцов кожух.

– А дальше-то что было? – нетерпеливо спросил он, видя, что Неустрой умолк.

Но брат молчал, напряжённо слушая в степи что-то. Шепелю стало не по себе. Слишком близко большой степной шлях.

И точно – из степи доносился дробный конский топот, земля загудела – всадников скакало много, не меньше сотни. Скорее даже, много больше.

Неустрой дёрнулся было загасить костёр – ан поздно. Послышались крики, топот стал приближаться. Парень выдернул лук из налучья, натянул и завязал тетиву. Стрелы под рукой путались в туле, цеплялись оперениями друг за друга.

– Но-но, парень! – остерегающе крикнул из темноты кто-то.

Степь наполнилась гомоном и конским топотом, фырканием коней и смехом. Около костра вдруг оказалось неожиданно много людей в войской сряде. Ну всё, – обречённо подумал Шепель. – Теперь коней сведут, не иначе, хоть и не половцы, а русичи.

– Оставь лук, парень, – весело бросил Неустрою передний всадник, молодой ещё вой в длинном красном плаще. В красном? Вой?!

– Помилуй, княже, – поклонился Шепель, гадая про себя, кого из русских князей принесло к их костру.

– Ай видал меня где-то? – насторожился князь. Неустрой чуть ослабил натянутую тетиву, но лука не опустил – наконечник стрелы по-прежнему глядел на пришлых воев. А их всё прибывало – сколько же вёл с собой неведомый князь?

– По плащу догадался, княже, – весело ответил Шепель. – Опричь князей на Руси красных плащей никто не носит.

– А я-то уж думал, – задумчиво потянул князь, оглядывая парней нехорошим размышляющим взглядом – Шепель даже пожалел мимолётно о своей догадке.

– Да опусти ты лук! – прикрикнул кто-то из воев на Неустроя. – Никто вас грабить не будет, да и убивать тоже.

Но Неустроя, видно, заколодило – лука он не только не опустил, но и снова вскинул, целясь в князя. Княжье лицо как-то неуловимо изменилось, но он ничего не успел сказать или сделать – мелькнуло что-то стремительное, и Неустрой полетел в траву, уронив и лук, и стрелу.

– Ну, Вышата... – непонятно, то ли осуждая, то ли одобряя, протянул князь.

– Никак иначе, Ростиславе Владимирич, – пробурчал седой середович в богатой сряде, чуть потирая ладонь и не спуская глаз с замершего в стороне Шепеля. – А ну как он бы выстрелил?

Ростислав Владимирич? Волынский князь?

Чего это ему надо в наших-то краях? – смятённо подумал Шепель, неотрывно глядя на лежащего в траве Неустроя. Брат зашевелился, приподнялся на локтях, стал на четвереньки, мотая головой. Жив! Шепель облегчённо вздохнул.

– Вот что, парни, – задумчиво сказал Ростислав. – Живёте-то далеко?

– На хуторе живём, – бойко ответил Шепель. – Звонкий Ручей зовётся. Тут рядом!

– Ну и зачем нам это надо? – хмуро спросил гридень Вышата, сверля взглядом спину Неустроя. – Шли бы и дальше, к Тьмуторокани напрямик.

– Передохнуть дружине надо, наставниче, – усмехнулся волынский князь. – Полторы тысячи вёрст с лишком прошли – не шутка. А до Тьмуторокани ещё мало не полтысячи.

– Какого хрена нас вообще понесло через степь? – недовольно пробурчал пестун. – Надо было в Олешье¹¹ сесть на лодьи и – морем!

– Я не уверен, что нас пропустили бы херсониты, – бросил Ростислав Владимирич. – И иная мысль есть...

Князь замолк, а пестун не стал переспрашивать. Надо будет – молодой князь сам скажет, что замыслил.

У ворот хутора остановились, когда уже начало светать. Неустрой стукнул в ворота, на дворе отозвались псы. Неустрой свистнул, но псы не послушали и взяли голосом ещё злее, чуя чужаков.

Шепель оглянулся и невольно остолбенел – следом за ними двигалась целая рать, не менее двух сотен. До того впотемнях и не разглядеть было, сколько народу с Ростиславом идёт, а теперь Шепель невольно призадумался: никак, князь всю свою дружину с собой в степь привёл. Перуне вразуми, чего они такое задумали?

¹¹ Олешье – древнерусский порт-экслав XI – XIII веков, включавший земли в низовьях Днепра от устья Южного Буга до Керкинитского залива.

А впрочем, не его это дело. Вон, Неустрой всё ещё на Ростиславичей исподлобья глядит, особо на Вышату. А ведь тот, пожалуй, не менее чем самого князя Ростислава пестун... или старшой дружины княжьей.

В груди у Шепеля защемило – ох, как хотелось сейчас в седло, да меч в руки. И скакать вместе с княжьими воями по степи... хоть до самой Тьмуторокани!

Мелькнула какая-то неясная догадка, только Шепель так и не понял, какая. Словно бы что-то Перунова воля хотела им подсказать...

Со двора, меж тем, послышался отцов голос:

– Кто там?! Неустрой, ты, что ли?

– Не только, – угрюмо буркнул брат, косясь на воев. – Гостей тебе привёл, отче.

– Что ещё за гости? – отец подошёл к воротам с жагрой в руке. Тусклое пламя рвалось на ветру, разгоняя сумерки, тени плясали по воротам.

– Гой еси, хозяин, – князь подъехал к воротам вплотную.

Отец поднял голову, глянул князю в лицо, светя жагрой, и отпрянул. Шепелю даже показалось – сейчас зачурается.

– Ты чего, хозяин? – князь тоже удивился.

– К... княже? – справился, наконец, с собой Керкун. – Мстислав Владимирич?

Неустрой глядел на них с раскрытым ртом.

– Не Мстислав, – поправил волынский князь, странно усмехаясь. – Ростиславом меня кличут. А вот что Владимирич – это верно.

Пахло одуряюще вкусно, и князь Ростислав невольно сглотнул слюну.

Вымоченная и жареная на углях дичина, тушёная в конопляном масле капуста, разваренная каша из дроблёной пшеницы, свежее испечённый ржаной хлеб, уха из речной рыбы, варёные с укропом раки, долблённый жбан с пивом, чашки с маслом и сметаной, жбан кваса, молоко и яблочный взвар, мёд диких пчёл в плошках.

Хозяйка разлила мужикам по чашам пиво и повела рукой, приглашая гостей к выти.

– А я-то... – Керкун смеялся беззвучно, весело щурясь. – А я-то, княже, грешным делом, подумал, что князь Мстислав Владимирич воскрес, чуть не зачурался непутём. Больно уж вы похожи...

– Да... – задумчиво обронил князь. – Мне тоже говорили про то... Многие говорили... Знал, князя-то?

– А чего же, – Керкун отсмеялся. – И знал. Сколько лет-то минуло с того, как он на Чернигов от нас ушёл? Сорок?

– Ну да, – князь кивнул. – Сорок и есть. А то и поболее.

– Ну так вот, – Керкун улыбался чему-то далёкому или давно минувшему. – С ним и я шёл тогда. И при Листвене я тоже бился против деда твоего, против варягов да новгородцев.

Лицо Вышаты при последних словах Керкуна чуть изменилось, он глянул на хозяина внимательнее.

– А эвон, пестуна Вышаты дед у нас тоже при Листвене бился, – мгновенно сказал князь, заметив. – Да и отец. Только на другой стороне, с моим дедом вместе.

– Бывает, – ничуть не смутился Керкун. – Тогда вся Русь на части поделилась, совсем как нынче. А я и до того с Мстиславом-то Владимиричем вместе ратоборствовал против ясов да касогов, мне тогда всего-то лет пятнадцать было.

– А нынче же тебе сколько? – поражённо спросил князь, любясь могучей статью хозяина.

– А чего, – заухал довольно Керкун. – На седьмой десяток никак поворотило.

– А детям твоим лет по шестнадцать, – князь кивнул в сторону близняков, которые из угла жадно ели взглядами войскую сряду Ростислава и Вышаты – больше никого из Ростиславлей дружины в избе и не было. – Поздно женился, что ли?

– Так это младшие, – пожал плечами невозмутимый хозяин. – Старший в трёх верстах отсюда живёт, вверх по Донцу, второго печенегу убили лет уж тридцать тому как. Дочка замужем, за Донцом живёт, на левом берегу.

– Вон что, – протянул Ростислав. – Большая у тебя семья, Керкуне...

– И род не из последних, – охотно кивнул хозяин. – Слышал ли про Русь прежнюю, не нынешнюю, а ту, что здесь на нижнем Дону, Кубани да у Тьмуторокани была?

– Давно это было, – задумчиво сказал князь.

– И верно, давно, – подтвердил Керкун. – Лет триста минуло тому. Так мой пращур там боярином был.

– Откуда ведаешь?

– Отец говорил, – Керкун весело шурился. – А ему – его отец, мой дед. Ну а ему...

– Его отец, – понятиливо кивнул Ростислав.

– Ну да, – лицо Керкуна построжело. – Так и передавали в роду. Славное, говорят, времечко было. А после козары пришли, а после – печенегу. И рать наша погинула меж Волгой и Доном. А вот Дон мы ещё пять лет держали против печенегов-то... Теперь от державы той осколки только... Белая Вежа город, да станицы с хуторами в степи. Нас теперь козарами зовут – за то, что под хаканом жили столько лет... прилипло. Да ещё бродниками. По степи, дескать, бродим. Не больно-то побродишь – половцы кругом. Только и было полегче, когда дед твой печенегов побил.

– Как вы тут живёте-то в степи? – подавленно спросил Ростислав. Он и ранее слышал про донскую русь, только впервой вот так – от одного из них. И в торческом походе четырёхлетней давности – не довелось, они больше при черниговском князе были.

– Да как? – пожал плечами Керкун. – Так и живём. Тут ведь и лесов хватает, и перелесков. А плавни донские, донецкие да кубанские – природная крепь. Степнякам не вдруг и прорваться. Если много половцев придёт – в плавнях прячемся, тут стотысячную рать скрыть можно. А мелкие загоны – бьём. Да и сами не без греха – половцев, бывает, щиплем.

Помолчали.

– Живём семьи по две-три, а то и по одной, вот как я. А отбежишь в степь вёрст на сорок – пятьдесят, там уже и половцы. А многие в Белой Веже живут сейчас – в городе будто бы спокойнее. Глядишь, так понемногу, держава и воспрянет. Вежа-то Белая, ещё со времён Святослава Игоревича – под тьмутороканскими князьями.

Вновь умолкли, занятые вкусной снедью, но ненадолго – Керкуна разбирало, и долго молчать он не мог.

– Князь Святослав Игоревич сто лет тому почему сначала на Дон пошёл? – витийствовал он, глядя в удивлённо внимающие глаза князя. – Он на нас надежду держал, знал, что в Козарии¹² руси да словен много. Знал, что за него станем. И стали. И как было не стать – против козар-то. Потому он так легко Белую Вежу и взял. И Тьмуторокань. И Яские горы – тоже. Ну, там кубанские русины помогли...

Ростислав изумлённо молчал – он и не подозревал, что здесь, далеко на востоке, в степи, столько много руси.

– И дед мой там ратился, – продолжал Керкун, – со Святославом-то вместе.

– Да-а, – протянул Ростислав Владимирович, поражённый развёрстой перед ним бездной.

¹² Козария – Хазария, Хазарский каганат, одно из крупнейших государств Средневековья, создан хазарами. Контролировало территорию Северного Кавказа, нижнего и среднего Поволжья, северной части Крыма, степи и лесостепи Восточной Европы вплоть до Днепра. В IX веке правящая верхушка Хазарского каганата была иудейской по вере, а возможно и по языку, но среди населения были распространены и христианство, и ислам, и языческие верования. Включал в себя, помимо собственно хазар, представителей ещё многих разных народов: болгар, аланов, славян, различных кочевников. Белая Вежа – древнерусское название хазарского города Шаркил (Саркел), который после разгрома Хазарского каганата Святославом Игоревичем, вошёл в состав Руси. Яские горы – древнерусское название Кавказа.

– А ты, княже... хозяин перевёл дух. – Далеко ли путь-то держишь?

– В Тьмуторокань, – усмехнулся в ответ князь.

Керкун молчал несколько мгновений.

– А ведь там Глеб Святославич, – сузив глаза, медленно проговорил он. – Война, что ли, княже?

– Ну отчего уж так сразу война? – Ростислав поднял глаза на бывшего воя. – Меня там ждут. И бояре... и иные мужи градские.

Князь и вправду проделал большую работу – пересылался с тьмутороканскими вятскими почти два месяца. И сейчас его там и впрямь ждали. Не быть Глебу, брату двоюродному, тьмутороканским князем.

Неустроя и Шепеля так и тянуло наружу – поглядеть на волынских воев. Незаметно для отца, не глядя один на другого, они выбрались сперва на крыльцо, а потом и со двора.

Ростиславичи раскинули стан за Керкуновым двором – жгли костры, треножили коней. От стана дружины вкусно тянуло кашей и жареным мясом.

– Парни! – окликнул близняков какой-то воин, по виду знатный – длинноусый и чубатый, в синем плаще.

– Ну? – остановился Неустрой.

– Вы, верно, всё здесь знаете...

– Ну... – повторил Неустрой. – Чего надо-то?

– Да мне дозоры расставить надо. Подсказали бы, где лучше...

– У Дикой балки надо, да у Сухого ручья, – тут же вмешался Шепель, видя, что брат молчит. – Оттуда вся степь как на ладони, вёрст на сотню.

– А ну-ка, пошли, покажешь, – тут же позвал Шепеля вой.

Неустрой остался один и побрёл по стану, втайне досадуя на себя – ишь, раззявился, как тетеря, даже ответить годно не смог. А вот Шепель и в первый раз не оплошал, князя признал в Ростиславе вмиг, и тут...

Парень сделал несколько шагов, остановясь близ костра, у которого сидели четверо. Они немедленно его окликнули:

– Присядь с нами, хозяин!

Неустрой не стал отнекиваться, сел. Но от чашки густого мясного отвара отказался.

– Не хозяин я, – буркнул он насупленно. – Отец мой хозяин.

– Ну, стало быть, наследник, – заключил вой, улыбаясь в густые усы. – Не так?

– Так, – вздохнул Неустрой.

– А звать тебя как, наследник? – всё так же весело спросил вой.

– Неустроем отец с матерью прозвали.

– Ну а меня Зарубой кличут.

– А чего же ваш князь так мало воев-то ведёт, Зарубе? – вырвалось у Неустроя. Он тут же прикусил язык, но было поздно.

– Отчего – мало? – степенно возразил Заруба. – Три сотни. Нам же не Козарию воевать, как князь-Святославу Игоревичу. Всего-то – Глеба Святославича из Тьмуторокани выгнать.

Неустрой промолчал.

– А глаза-то у тебя горят, Неустрое, – весело сказал вдруг Заруба. – Хочется войской жизни-то хлебнуть, а?

Неустрой в ответ только вздохнул.

– Мечи манят, да кони? – Заруба усмехнулся. – Тяжела войская жизнь-то, Неустрое... Хочешь, так просись у отца. Но уговаривать не буду, а то ещё отец твой обидится – скажет, сманиваю.

– А зачем ваш князь на Тьмуторокань идёт? – вдруг спросил Неустрой, сам неожиданно для себя.

Вой помолчал несколько мгновений.

– А его дядья обидели, – сказал он, наконец. – Стол ему дали малозначимый. Вот он и хочет себе ещё и Тьмуторокань прирезать.

– Разве же Вольтинь стол малозначимый? – удивился парень.

Но Заруба больше ничего прояснить ему не стал.

– Князьё то дело, Неустрое, не наше. Наше, войское, дело – в бой идти да голову сложить, если князь прикажет.

Шепель воротился из степи сам не свой. Молча ушёл куда-то на сеновал и там затих. Неустрой проводил его удивлённым взглядом, но смолчал. И сам за ним не пошёл – мало ли чего. Надо будет, так сам скажет.

Шепель выбрался с сеновала только часа через два. Всё так же молча. И работу домашнюю всю делал молча. Так ничего и не сказал.

Князь уезжал на другое утро. Дружина его так и ночевала в поле, по старинному русскому войскому навычаю – спали на пополах, седло в изголовье, стойно древлему Святославу Игоревичу. Благо ночь летняя тепла. И только князь да ещё Вышата-новгородец спали в доме Керкуна. Сами хозяева ночевали на сеновале, там, где днём отсиживался Шепель.

Трубили рога, ржали кони – дружина грудилась за воротами Звонкого Ручья, ожидая господина. Князь у крыльца прощался с радушными хозяевами. Тут и показался Шепель – в высоких сапогах и плаще. Подошёл нетвёрдыми шагами, кинул посторонень дикий взгляд и вдруг поклонился в пояс беглому вольтинскому князю:

– Княже! Ростислав Владимирич!

– Ну! – бросил князь, уже начиная понимать. Да и Керкун побледнел, глядя на одетого в дорожное сына.

– Прими в дружину, княже Ростислав, – выпалил Шепель одним духом. – Возьми с собой!

Пала тишина. И в этой тишине было только слышно, как глухо всхлипнула Керкунова хозяйка.

– Ну... – не враз нашёлся что ответить князь.

– Возьми, княже! – чуть ли не с мольбой выкрикнул Шепель. – Хоть отроком!

Князь покосился через плечо на Вышату, тот чуть повёл головой, словно соглашаясь, подмигнул Шепелю и негромко обронил:

– Гридень Славята говорил, что его и не отроком взять можно бы...

– Ну если так, – князь вздохнул. – У отца спроси дозволения.

Шепель повернулся к отцу, глянул отчаянно и дико. Поклонился.

– Отпусти, отче.

Керкун помолчал, потом тоже вздохнул и повторил за князем:

– Ну, если так...

– Собирайся, – велел князь, и Шепель сорвался с места, прокричав на бегу:

– Я мигом, княже!

А остолбенелому Неустрою отец велел:

– Оседлай для брата коня. Бурка оседлай.

Появился Шепель и впрямь быстро, уже с мешком за плечами, с ножом и саблей на широком войском ремне.

– Ого, – поднял брови князь. – И войская сряда имеется?

– Я и в боях бывал, княже, – похвастал Шепель быстро.

– Ладно, – оборвал его князь, хоть и мягко, но решительно. – Прощайся, а я поехал.

Нагонишь нас в степи.

Он повернулся к Керкуну.

– Ну, спаси бог за приют, хозяин ласковый. Наедешь в Тьмуторокань, на князем дворе тебя всегда примем. А надумаешь навовсе перебраться – милости просим.

Князь троекратно расцеловался с Керкуном и с хозяйкой, поймал ногой стремя и взвился в седло. Вылетел со двора.

Шепель обнялся с отцом, расцеловался с матерью, у которой на глаза навернулись слёзы – всегда тяжело провожать со двора родное чадо.

– Ну, сынок, – отец хлопал сына по спине, пряча в седых усах слёзы. – Роду нашего не посрами!

– Не беспокойся, батько, – голос Шепеля дрогнул.

С братом тоже обнялись.

– Ладно, Шепеле, я тебе припомню, – шепнул на ухо один близнец другому.

3. Червонная Русь. Волынь. Владимир. Лето 1064 года, изок

Ветерок ворвался в окно, шевельнул аккуратно убранные волосы, качнул занавеси. Принёс запах цветущих яблонь – лето в разгаре, сады словно снегом осыпало, белым да розовым.

Княгиня встала с кресла и подошла к окну.

За окном открылся вида на город Владимир и на княжий двор. Суетились слуги, стояли у ворот трое воев, что-то лениво обсуждали. Наверняка, о бабах говорят, – с лёгкой неприязнью подумала Ланка, отводя глаза. Про что же ещё могут говорить мужики, а тем более, вои? На войне и службе – про баб, с женщинами – про войну, да про подвиги...

Город полого сбегал к реке. Ограждённый с полудня неширокой, но глубокой Смочей с болотистыми берегами, Владимир примостился на пологом, восточном берегу Луги. Ланка невольно вспомнила, как удивилась, увидев впервой город – давно, когда ещё ехала к жениху со свадебным поездом. Обычно все старались построить города на высоком берегу. А тут...

Княгиня перевела взгляд на Залужье, туда, где в полях пшеница и рожь клонятся мало не до земли от тяжести зерна, где лежат за лесами сёла с княжьими холопами, деревни и веси смердов и иного чёрного люда.

Богатая земля.

Очень богатая.

Да только что ей-то, дочери угорского короля и жене волынского князя, с того богатства, если рядом сейчас нет её мужа?

Княгиня вздохнула и отошла от окна. Княгиню грызла тоска.

Сзади скрипнула, отворяясь, дверь. Княгиня оборотилась быстро и встревоженно. Но тревожиться было не с чего.

Сын.

Старший. Рюрик. Рюрик Ростиславич.

Княгиня невольно вспомнила, как заспорили с мужем из-за имени для старшего сына. У наследника должно быть христианское имя, – доказывала Ланка, – твоя страна теперь христианская, да и моя тоже! Ростислав только смеялся в ответ – тому христианству всего семь десятков лет, два поколения христиан минуло, мы – третье... А вот обычаю давать особые князьки имена – лет пятьсот, не меньше... И может ли быть большая честь чем дать наследнику, старшему сыну, первенцу, имя славного пращура... А крестильное имя у Рюрика, вестимо, будет, без того никак.

Хотя пращур ли он, Рюрик-то древний? Невесть ещё – кто ведаёт дела тех давних дней опричь монахов-летописцев, кто чёл те летописи? Но этих слов она мужу своему сказать не посмела, хоть и сама неоднократно слышала от него. Знала уже, что русский человек может неустанно сомневаться в справедливости родовых преданий и скалить над ними зубы, но никогда не простит, если то же самое сделает иноплеменник...

Так и носил старший сын Ланки два имени – крестильное Пётр и родовое Рюрик.

Но после, когда появился в семье ростовского тогда ещё князя Ростислава Владимировича второй сын – Володарь Ланка уже не спорила, достало и того, что второе имя ему тоже дали христианское – Андрей. И только младшего княгиня настояла назвать одним лишь христианским именем. Назвали по деду, Василием, но и то кликали больше по-русски – Василько.

Рюрик остановился на пороге, озадаченно глядя на задумчивую мать.

– Мамо?..

– Иди сюда, – улыбнулась Ланка, протягивая руки, и когда сын подошёл, обняла его за плечи, провела рукой по отрастающим волосам – сын стрижен коротко, как и все русичи. Придёт время – и голову ему побреют наголо, оставив только прядь волос на темени – ещё один языческий обычай. Все мужчины-вои обязаны носить такой вот чупрун, жертвуя волосы богу войны, Перуну. Ныне Перуна отвергли, и обычай тот понемногу умирает, хоть и живуч, живуч... Уж сколько раз Ланка говорила мужу, что знатному человеку достоин носить длинные волосы, а нет того – здесь на Руси, длинные волосы носят только волхвы, жрецы бога Волоса, древнего Владыки Зверья...

Впрочем... где теперь те волхвы?

Ох, не лукавь себе, княгиня, – тут же сказала сама себе Ланка. – Есть и сейчас те волхвы... чего далеко ходить, – и здесь, на Воляни, на Червонной Руси, вон в каких-то полутора сотнях вёрст от их Владимира, в Чёртовом лесу – огромное капище на горе Богит...

Княгиня вздрогнула.

Сын, меж тем, сопя, устроился у матери на коленях – хоть не маленький уже, шесть лет минуло, постриги да подстягу три года как справили, а стесняться материнской ласки время ещё не пришло.

– Мамо...

– Что, соколёнок мой?

– Мамо, а батюшка куда уехал? – мальчишка играл длинными кистями материнского пояса, сосредоточенно завязывая их в узел.

– Не знаю, детка, – рассеянно отозвалась Ланка, всё ещё вся в мыслях про обряды. Хоть и мало не восемь лет живёт на Руси, а всё ещё к их обычаям не привыкла. И тут же спохватилась – нельзя даже думать «их». Тут теперь её дом, – так всегда говорит Ростислав, так говорил и батюшка, самый умный из людей на земле, король Бела Арпадинг¹³.

– В Киев? – настаивал Рюрик.

– Нет, детка, не в Киев, – всё так же рассеянно ответила княгиня. – Далеко уехал батюшка...

– Новых земель искать? – вкрадчиво спросил сын.

– Ага, – отозвалась Ланка по-простому и тут же спохватилась, но было поздно. Глянула на сына вопросительно и строго.

– А чего? – без тени смущения сказал Рюрик. – Все князья ищут новых земель, мне вон и учитель так говорил. А наш батюшка, что, хуже?

Учил Рюрика грек-монах из самого Киева – нарочно в этом году у самого великого князя выпросили. Рановато бы княжичу учиться, да только с Ростиславом разве поспоришь?

– Не хуже, а лучше, – сказала княгиня с необычной для неё горячностью.

– Вот и я говорю! – мальчишка стукнул кулаком по колену. – Мама, а теперь война с киевским князем будет, да?

И Рюрик знает! – ахнула княгиня про себя.

– Это ещё что за новости? – небожно дёрнула сына за вихор, турнула с колен.

¹³ Арпадинги (Арпадовичи) – династия венгерских князей (889 – 1001 гг.) и королей (1001 – 1301 гг.), потомков князя Арпада (889 – 907 гг.).

– Дворовые болтали, – пояснил сын без тени смущения. – Говорили, будто батюшка – изгой, и ему большое княжество не положено, а раз он поехал земли примыслить, то теперь обязательно война с Киевом будет.

– Меньше слушай дворню! – Ланка рассерженно встала. – Не княжье это дело, с дворовыми болтать.

– Так я с ними и не говорил, они меж собой, – смутился, наконец, мальчишка. – Они и не видели, что я слушаю...

– Та-ак, – княгиня нарочито гневно растянула слово. – Ты ещё и подслушиваешь? А вот это уж точно не по-княжьки. Не в честь!

Но окончательно смутить Рюрика ей не удалось.

– Мамо, а кто такой изгой? – требовательно спросил сын. Видно почувал, что раз мать сердится, то дворовые сказали правду. Или часть правды.

– Подрастёшь – поймёшь, – отрезала Ланка.

Вестимо, поймёт. Когда самого изгоем назовут.

Найти того, кто болтал. Выспросить у няньки и сенных девок, где сегодня болтался княжич. Самих девок да няньку за волосы оттащить бы нехудо – смотрели бы лучше за сыном. А уж если это они сами говорили...

У самого Рюрика не выспросишь – скрытный, весь в отца. Тот тоже – даже подушке своей вряд ли свои тайные замыслы расскажет. И Ланке-то рассказал не вдруг, только уже когда сама догадываться начала.

– Не надо никого наказывать, – сказал вдруг сын, глядя на княгиню исподлобья. – Они не виноваты...

Ланка вдруг рассмеялась – весь гнев пропал неведь куда, до того потешен был насупленный Рюрик.

– Ладно, соколёнок мой, не буду, – она вновь погладила сына по голове.

– Да, – вспомнил он. – Я чего к тебе шёл-то? Там посол из Киева приехал...

– Так чего же ты молчал-то столько времени, шалопут? – всплеснула руками княгиня. – Где он сейчас?

– В гриднице, – ответил мальчишка, весело улыбаясь. – С ним сейчас дядька Кравец говорит...

У княгини невольно сузились глаза. Тысяцкий Владимира слишком много власти в руках имеет, а это плохо. Эвон, даже княгиню не созвал, как посол приехал...

Но тут в отворённой двери возник теремной вестоноша:

– Матушка-княгиня, тысяцкий просит в гридницу спуститься.

– Иду, – чуть помягчев, ответила Ланка. Тысяцкий всё-таки её позвал. Просто сын успел раньше вестоноши.

Киевский посол был молод – лет двадцать, не более. Да и послом-то его назвать было бы слишком громко, преувеличил Рюрик – гонец, скорее. Княгиня изо всех сил сдерживала себя, чтоб не улыбнуться, но видимо, глаза её всё же выдали – гонец встретился с ней взглядом и вдруг вспыхнул совсем по-мальчишечьи, залился краской. Ланка невольно отвела глаза.

– Великий князь Изяслав Ярославич желает видеть, княгиня, твоего мужа, – чуть дрогнувшим голосом сказал гонец. Ланка недоумённо поглядела на него, потом на тысяцкого – чуть кряжеватого чернявого боярина Кравца.

– Послание что, именно ко мне? – звонко спросила она, и гонцу ясно послышался в голосе княгини гнев. Киянин начал медленно мучительно бледнеть, на лоб высыпал холодный пот.

Но Кравец тут же поспешил ему на помощь.

– Нет, княгиня, – прогудел он в бороду. – То к самому князю послание, к Ростиславу Владимиричу. А раз нет его...

– То есть, ты, воевода, уже оповестил посланника, что князя нет, – всё так же звонко и мелодично уточнила княгиня, на сей раз её синие глаза резали пополам уже не гонца, самого тысяцкого. Его лоб покрылся испариной, стойно мальчишке-гонцу, но маститого боярина смутить было трудно. Да и княжьи дела ему – по боку, он вечем ставлен, перед ним и отвечает, он с любым князем в городе проживёт.

– Оповестил, княгиня-матушка, – согласно кивнул Кравец.

Не дожидаясь меня! – взъярилась княгиня в глубине души, но внешне только скромно опустила глаза. – Добро же!

– Тогда не понимаю, при чём здесь я, – сказала как можно более равнодушно, разглядывая собственные ногти, и всем своим видом показывая, что чуть расслоившийся кончик ногтя на мизинце её волнует гораздо больше, нежели послание какого-то там киевского князя, хоть и великого. Равно как и самоуправство тысяцкого. Хотя, тысяцкий-то как раз в своём праве – когда князя в городе нет – городом тысяцкий правит. Да и при князе то – князь правит княжеством, всей волостью, землёй, а городом – тысяцкий.

Так что зря она злится на Кравца.

Ланка закусила губу – незаметно, опустив голову.

– Но тогда... – сказал гонец, набрал воздуха в грудь и договорил. – Тогда великий князь Изяслав Ярославич хочет знать, где находится твой муж.

Оп! А вот это уже что-то новое. Проболтался гонец.

Раз уж такие речи пошли, стало быть, гонец, которому не по чину требовать отчёта от князей, получил соответствующее наставление от своего господина. От великого князя, Изяслава Ярославича. А значит, там, в Киеве, уже знают, что Ростислава во Владимире нет. Донёс кто-то, стало быть.

Ланка вздохнула и подняла голову, заставив маленькую, едва заметную слезинку, показаться в уголке правого глаза. Показывать слёзы благородных девиц во всех семьях Ойкумены учат мало не с колыбели. Да что там, в благородных – любая женщина в совершенстве умеет это с тех пор, как впервые осознаёт, что может нравиться мужчинам. Как-то само собой получается.

– Мой муж – сам себе голова, – пожала плечами княгиня. – Уехал куда-то. По своим делам, княжьим, верно.

А вот это напрасно, про княжьи-то дела, – подумалось вдруг. Мало ли как **они** поймут? Но сказанного не воротишь. Да и толку-то скрываться – Ростислав небось уже в Диком Поле, скоро и до самой Тьмутарокани доберётся. Тогда – все узнают. А так... ну что ОНИ смогут сделать – дозоры выставить, на порогах, да в Олешье. Так и то – поздно уже.

Должно быть, что-то из её мыслей вновь отразилось на лице – плоховато владела собой волынская княгиня. А гонец, невзирая на молодость, попался проницательный.

– Ин ладно, – он решительно встал.

– Да ты постой, – Ланка добавила в голос елея. – Поснидай хоть с пути-то дальнего...

– Недосуг, – отверг гонец. – Поскачу тогда обратно в Киев, так великому князю и доложу.

В его голосе вдруг прорезалось что-то угрожающее, и княгиня поняла, что всё, что на только что подумала, чем себя накрутила – не пустые домыслы. В Киеве и впрямь что-то знают.

Воротаясь к себе, княгиня уже не подошла к окну – на солнце напозла туча, слышалось отдалённое гроыхание, хоть Ильин день давно минул, и грозам быть вроде как не время. Ланка раздражённо зыркнула в сторону окна, схватила со столика колокольчик, позвонила, и велел заглянувшей служанке:

– Окно затвори.

Сама же села, почти упала в любимое греческое кресло, прижала руку ко лбу. Невесть с чего вдруг разболелась голова.

Муж не захотел взять её с собой. Отговорился тем, то на неё город оставляет (будто мало тысяцкого Кравца! – раздражённо подумала Ланка), а больше того – трудностью пути да опасностями. Как будто тут, во Владимире, безопасно! У самого-то Киева под боком! Если что – и рать от батюшки не поспеет в помощь! До Буды-то почти вдвое дальше, чем до Киева, если что, а ещё и Горбы на пути...

Ланка вдруг поняла, что её охватывает страх, недостойный дочери её отца и жены её мужа. А ну-ка! Угорские княжны не плачут!

И тут же укорила себя прямо-таки в мужней манере (даже оглянулась невольно – так и помстилось, что за плечом Ростислав стоит и глядит на неё насмешливо). – Не о том думаешь, княгиня!

Правильно Ростислав не взял её с собой. Пока она и дети здесь, во Владимире, Волынь из воли Ростислава не выйдет. А если рать из Киева на них тронется, так им и с батюшковой помощью не удержать было бы Волыни-то, будь даже король Бэла жив. Тогда одно – бежать. В Эстергом. А пронесёт господь беду – так в Тьмуторокань ехать к Ростиславу, не иначе.

Господь? Пронесёт?

Ланка невольно замерла, глядя перед собой остановившимися глазами. Но видела не брачную скатерть на столе, а суровое, с пронзительным взглядом лицо полоцкого князя. Холодные тёмно-зелёные глаза, длинные тёмно-русые волосы, длинные усы, теряющиеся в бороде. Княгиню словно обдало холодом.

Всеслава она видела всего один раз – четыре года тому, когда Ярославичи ходили ратью в степь бить торков. Всеслав ходил с ними, и её Ростислав – тоже. А она приехала с мужем в Киев, да там и осталась – непраздна как раз ходила с Володарём.

С Всеславом столкнулась лицом к лицу на дворе терема, когда князь уже воротились из похода с победой. Полоцкий князь остановился, несколько мгновений смотрел на жену троюродника ничего не выражающим взглядом, потом коротко улыбнулся, поклонился и ушёл. А она осталась стоять, прижимая руки к сердцу, которое неведомо от чего зашлось.

– Да что с тобой, матушка-княгиня? – тормошила её сенная боярыня. – Чего он тебе сказал такое?

– Ничего, – разомкнула, наконец, губы княгиня. – Ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.